

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ЛЮБОВНИЦА
СИНЕЙ БОРОДЫ

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ
НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, — ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Лариса Соболева
Любовница Синей бороды
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33875216
Любовница Синей бороды: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-104236-3

Аннотация

Из городского музея украдена старинная картина со зловещим названием «Любовница Синей Бороды». Воры почему-то пренебрегли негласным правилом и вынесли полотно вместе с увесистым подрамником. Капитан милиции Архип Щукин, догадываясь о таинственном прошлом похищенного экспоната, пытается выяснить его происхождение. Вскоре он узнает, что незадолго до исчезновения портретом интересовался итальянский подданный Натале ди Монтеверлио, часами просиживавший перед изображением белокурой красавицы. Как объяснил иностранец, история картины тесно связана с судьбой богатой русской помещицы Гордеевой, арестованной в 1819 году при попытке бегства из России с тем самым портретом...

Содержание

1819 год. Бегство	5
Наши дни	12
Тот же день, вечер	27
На следующий день	40
Четыре дня спустя	54
1819 год. Наташа	67
Наши дни, ночь	113
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Лариса Соболева

Любовница Синей Бороды

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*** * ***

1819 год. Бегство

Уткнув нос в мех, помещица Агриппина Юрьевна пятидесяти пяти лет не отрывала тяжелого взора от окна. Запряженная четверкой карета неслась по разбитой дороге среди неспаханых полей и стен из леса; попадая в лужи, колеса с шумом расплескивали воду. Размеренное покачивание кареты баюкало, поскрипывал фонарь, подвешенный в верхнем углу внутреннего помещения, фитилек дрожал, готовый вот-вот погаснуть. Впору было вздремнуть, как дремлет Наташа – дочь помещицы, как спит Иона – ее управляющий, как спит краснощекая холопка Анисья, раскачиваясь в такт движению кареты. В сумерках виднелись густые белые волосы Ионы до плеч, изредка он подхрапывал да шмыгал носом. Но Агриппине Юрьевне пока не спалось. Вот минуют они кордон, тогда со спокойной душой можно будет отдаться во власть Морфея, а куда удары сердца, словно набат, били в истерзанную грудь, как бы предрекая беду. Колеса вязли в дорожной грязи, лошади устали, а до границы-то всего ничего осталось... ох, скорей бы...

От того, что тягостные мысли прогоняли желанный сон, Агриппина Юрьевна слушала дружный топот копыт, месивших дорожную жижу, и скрип колес. Порой она забывала вообще обо всем, устремив взгляд на плоский предмет, упакованный в холщовую материю и туго перевязанный веревка-

ми. И тогда уголки ее губ растягивались в коварной улыбке. В торжествующей улыбке!

Но вот среди привычных шумов обостренный слух неспящей пассажирки уловил спешное постукивание, будто за ними ехал кто. И притом торопился, да не один. Она живо обернулась и посмотрела в маленькое окошко назад. Сумерки прятали дорогу. Агриппина Юрьевна, слыша топот сзади, но ничего не видя, тронула дочь за плечо:

– Наташа, у тебя глаз острее, погляди: скачут за нами, аль мне показалось?

Наташа сонно потянулась, присмотрелась...

– Будто всадники...

– Разбойники?! – взвизгнула холопка Анисья, испуганно заерзала, крестясь. – Спаси и помилуй нас, грешных...

– Кабы разбойники... – произнесла Агриппина Юрьевна, открывая оконце кареты. – Кабы не хуже...

– Что ты, матушка, куда ж хуже-то? – разволновалась и дочь.

– Фомка! Гони! – крикнула кучеру Агриппина Юрьевна.

– Дык лошадей не меняли, загоним, барыня! – отозвался тот.

– Гони, бездельник! Скачут за нами! – рявкнула помещица.

– Слушаюсь, барыня! Эгей!..

Послышался свист кнута, затем щелчок... еще свист и щелчок... Карета прибавила ходу. Иона достал из саквояжа

длинный пистолет, сосредоточенно проверил, заряжен ли. Агриппина Юрьевна то назад смотрела, то откидывалась на подушки, держась за грудь. Ничего не видать. Но и постороннего топота как будто теперь не слышалось.

– Недолго осталось, граница вот-вот будет, – пробормотала она.

От нетерпения ей чудилось, что карета с каждым поворотом колес замедляет ход. От страха дочь жалась к матери, Анисья беспрестанно крестилась, шепча молитвы. Только Иона – могучий старик – с хладнокровным спокойствием готовился встретить врага.

– Наташа, погляди... скажут? – приказала дочери помещица, снова расслышав шум позади.

– Скажут! – вскрикнула та. – Догоняют! Уж совсем близко!

– Фомка! Гони что есть мочи! – закричала барыня кучеру.

– Ох, не убежать нам, бедным, – завывала Анисья. – У нас один Иона полкареты занимает, кабы бы без него, дык лошадям легче было б...

– Я скорее тебя выкину, подлая! – оборвала ее барыня. Предчувствуя, что отнюдь не разбойники преследуют карету, она схватила дочь за руку: – Послушай, Наташа, коль так случится, что без меня останешься...

– У нас четыре лошади, убежим! – пролепетала дочь со слезами в голосе.

– Молчи и слушай! – строго оборвала ее мать. Она была

женщина строгая, да по-иному ей и нельзя – одна воспитывала детей, управлялась с поместьями. – Поезжай в Неаполь к дяде, на сей случай я заготовила письмо, да и дожидается он. Возьми... Письмо обязательно передай, да спрячь подальше, никто не должен его прочесть. (Наташа, не понимая опасений матери, сунула в муфту письмо.) А это, – дотронулась Агриппина Юрьевна до упакованного плоского предмета, – никому не отдавай, что бы тебе ни сулили! При себе держи, куда бы ни забросила тебя судьба. Здесь счастье детей твоих. Иона, веер у тебя?

– У меня, матушка барыня, как ты приказывала, – приложил Иона руку к груди. – И веер, и бумаги. У сердца ношу.

– Веер тонок, много места не займет, береги его. Держите картину и веер в разных местах, покуда время не придет.

– Помню, помню, – заверил Иона. – Да только напрасно ты, матушка, тревожишься. Авось проскочим...

– Наташку береги, – сказала управляющему Агриппина Юрьевна. – Молода она, глупа. Иона, увези Наташу из России, иначе беда и к ней придет. Возьми деньги, на первое время вам хватит. Да убери пистолет, одним дулом всех не распугаешь.

Летучие тени коснулись окошек кареты – всадники обгоняли. Не доезжая нескольких верст до пограничного столба, Фомка натянул поводья, останавливаясь по их приказу. Агриппина Юрьевна выпрямила спину, сведя черные брови к переносице и готовясь встретиться с новым ударом судьбы.

Но, каким бы сильным и роковым он ни был, она примет его с честью. Дверца кареты распахнулась...

– Сударыня, вы Агриппина Юрьевна Гордеева? – спросил офицер.

– Она самая, – ответила помещица, приподняв подбородок.

– Вот приказ о вашем аресте. Извольте пересесть в нашу карету.

Дочь ахнула, схватившись ладонями за лицо. Протянутый пакет с приказом Агриппина Юрьевна величественно отвела рукой, мол, не стану читать.

– Храни вас бог, – сказала она Ионе и дочери, затем вышла из кареты, не воспользовавшись рукой, протянутой офицером.

– Матушка! – Наташа кинулась за ней. – Куда вы увезете ее, господин офицер?

– Как приказано – в Москву, барышня.

Мать, поставив ногу на подножку подъехавшей арестантской кареты, бросила последний взгляд дочери и произнесла:

– Ты Гордеева, помни это. Поезжай к дяде!

Словно ветер пролетел – проскакали жандармы, умчалась карета с матушкой. Наташа упала на колени прямо в липкую дорожную грязь, горько плача. Она не заметила, как Иона заботливо укрыл ее плечи тулупом, сетуя:

– Вот беда так беда... Наташа, бедная моя, простынешь... Пойдем в карету, до границы, почитай, пара верст оста-

лась... Слышь, Наталья?

Наташа вдруг разом прекратила рыдания, поднялась.

– Фомка! – крикнула.

– Тута я, барышня, тута, – появился из темноты кучер.

– Поворачивай! Назад едем, за матушкой.

Подняв подол отяжелевшего от грязи и воды платья, она ступила на подножку кареты, а Иона, поддерживая ее за локоть, посмел возразить:

– Помилуй, Наташа, нам в Неаполь...

– Едем за матушкой, – бросила ему через плечо она.

– Экая ты неразумная! – Иона был полон возмущения. –

Нельзя нам назад! Матушка твоя что наказывала? А ты ослушаться ее вздумала?

– Отчего ж нам нельзя назад? – стуча зубами то ли от холода, то ли от несчастья, свалившегося на нее, спросила Наташа. – Отвечай, Иона. За что арестовали матушку? Ты ж с нею ежечасно был. Что она совершила? Какой такой грех тяжкий на ней, что за нами послали погоню в эдакую даль? Отвечай!

– Не велено мне сказывать, – нахмурился тот.

– Я нынче хозяйка тебе, иль ты забыл?

– Узнаю род гордеевский... – осуждающе покачал головой

Иона. – Покуда Агриппина Юрьевна жива, она хозяйка надо мною, так-то. Уволь, Наташа, не проси, все одно не скажу. До времени не скажу. А коли знать желаешь, едем в Италийскую землю.

– А как продам тебя? – перешла на угрозы Наташа.

– Да кто ж меня, старика, купит? – не испугался Иона.

Наташа уткнулась лбом в стенку кареты и заплакала, ей вторила Анисья, завывала, точно собака на цепи. Иона подсел к барышне, обнял ее за плечи, приговаривая:

– Дитяtko неразумное, не горюй. Обещание я дал Агриппине Юрьевне в Неаполе тебе все поведать, как на духу, ежели матушка твоя... не доедет. А ты вона как поступаешь, рассердишь Агриппину Юрьевну.

– Нет, Иона, не поеду в Неаполь. До самого царя дойду...

– Ох, Наташа, не поможешь ты ей, не поможешь, а себя погубишь.

Ему ли не настаивать на продолжении пути, выполняя распоряжение барыни... Его бы воля, скрутил бы Наталью и силой заставил ее следовать дальше. Являясь поверенным во всех делах Агриппины Юрьевны, он знал: Наташе грозит смертельная опасность. Иона полагал, что если уж возвращаться, то девушка одумается, едва попадет в Москву, где ни матушкиных связей, ни друзей, способных на бескорыстные услуги, у барышни нет. А более всего он уповал, что произойдет это за короткое время – один-два дня, и Наташа испугается трудностей, отправится-таки к дяде в Италию. Один-два дня... Но ведь и они могут стать для обоих последними! Бежала помещица Гордеева не от одних властей, от смерти своей и дочери тоже. Так что им делать в чужой Москве? Вот что думал старик Иона...

Наши дни

Музей наполнила та трепетно-натянутая тишина, что возникает при неординарных событиях. Смотрители встретили следственные органы с траурным выражением лиц, проводили в бальный зал, ступая почему-то на цыпочках, словно здесь царство сна и они боялись разбудить невидимых обитателей. Кто знает, может, в этом старинном особняке по ночам бродят тени прошлого, а днем они спят, как и положено спать теням при дневном свете? Архип Лукич Щукин поддался атмосфере всеобщей таинственности и сам ступал по ковровым дорожкам с осторожностью, стараясь, чтобы шаги его не были слышны. В бальном зале перед камином, тоскливо глядя на стену и схватившись за щеку рукой, замерла заведующая музеем, на лице которой застыло выражение жалости и плаксивости. Молоденькая и хорошенькая сотрудница музея указала на стену:

– Она висела над камином... – Казалось, стекла ее очков блестели от слез, а не отражали блики яркого света. – Здесь мы воссоздали уголок девятнадцатого века.

Эксперт и оперативники приступили к работе.

– Вы ничего не трогали? – дежурно поинтересовался Щукин.

– Что вы! Как можно! – широко распахнула глаза девушка.

Итак, пропала картина. То есть ее украли. Необычного в этом ничего нет, кража произведения искусства для работников милиции – вещь почти естественная. Но в данном музее кража совершена впервые за всю его историю. И второе – украли картину вместе с рамой. А это уже неестественно.

Глядя на стену, Щукин немножко затосковал. С аскетической внешностью, выше среднего роста, всегда аккуратный и суховатый, Архип Лукич Щукин внушал уважение уже одним своим видом, с ним даже начальство разговаривало почти всегда в вежливой форме. На самом деле внешний педантизм и сухость были для следователя прокуратуры всего лишь щитом от людской несдержанности. Разумеется, со временем они вросли в Щукина, но не являлись его сутью. Внутри Архип Лукич совсем другой – мягкий и ранимый. А затосковал он сейчас оттого, что на счету его и так много дел, оставшихся нераскрытыми, и вот это новое, с кражей картины из музея, по некоторым признакам вполне может тоже «зависнуть». Да, настроение у Щукина испортилось.

Пока эксперт с оперативниками исследовали зал и здание музея, выясняя, каким образом грабитель пробрался в святилище древностей, Щукин решил опросить заведующую. Она предложила пройти в ее кабинет, пригласив и девушку в очках, которая обнаружила пропажу. Идя к кабинету, следователь отметил: порядок в музее образцовый, стерильность тут чуть ли не как в больнице – ни пылинки, ни соринки. Заведующую, невысокую женщину лет этак за сорок,

с грустными темными глазами и усталым лицом (когда-то, бесспорно, красивым), звали Зоей Федоровной. Щукин, не изволивший посетить этот музей ни разу в жизни, а потому и не знавший о ценностях, хранившихся здесь, задал закономерный вопрос:

– Что за картина пропала, кто автор?

– Автор неизвестен, – скорбно сказала заведующая. – Предположительно ее написал крепостной художник в начале девятнадцатого века.

– О, значит, она не очень ценная?

– Ну, если считать, что сейчас любой антиквариат стоит довольно дорого, то картина представляет некоторый интерес для любителей старины.

– Погодите... Вы хотите сказать, что украденная картина не является произведением искусства? – изумился Щукин.

– Видите ли, картина написана... не рукой мастера. Гораздо большую материальную и художественную ценность представляет ее рама – она искусно инкрустирована ценными породами деревьев и датируется, кстати, тоже началом девятнадцатого века.

– Выходит, украли прежде всего раму? – еще больше изумился Щукин. Это уж неслыханно: какую-то рамку свистнули! Вор что, заболел на голову перед кражей?

Архип Лукич был огорошен: картина не имеет ценности, а ее тем не менее выкрали из стен музея! Так не бывает. Рамки, какие бы они ценные ни были, вообще никто никогда не

крал за всю историю человечества. Они же не из золота! И эта тоже. Крадут только произведения искусства сумасшедшей стоимости. Но ведь картину все ж таки украли... Интересно, что ж там за полотно было и чем оно примечательно?

– У вас есть фотографии картины? – спросил Архип Лукич.

– Конечно. Танечка, будь добра, принеси.

Танечка убежала за фотографиями, а Щукин спросил:

– Более ценные вещи имеются в музее?

– Разумеется! – вторично огорошила его Зоя Федоровна. – Меня потому так и поразила кража именно этой картины! У нас есть золотые украшения из курганов, старинные фарфоровые статуэтки, сейчас очень модные. Да и картин известных мастеров у нас несколько штук в экспозиции. Сигнализацию воры отключили, можно было взять их, но...

– А вы проверяли, может, под слоем краски там была еще одна картина, которая и представляла ценность для преступника? – пришло на ум Щукину. – Такое бывает...

– Исключено. Проверяли.

– Как давно она у вас висела?

– Четыре года. Сразу после ремонта мы решили восстановить интерьер бального зала, а картина находилась в запасниках, до этого ни разу не выставлялась.

– Как она попала в ваш музей?

– Сколько себя помню, а работаю я здесь около тридцати лет, столько она и хранилась в запасниках. Ее нашли в одном

из купеческих домов.

Танечка – старший научный сотрудник – принесла папку, положила ее перед Щукиным. Он раскрыл, взял первую цветную фотографию.

Это был портрет. Белокурый ангел в женском обличье был изображен на репродукции картины. Волнистые светлые с золотистым отливом волосы окружали ореолом непорочное, по-детски наивное личико, рассыпаясь по розовым оголенным плечам. Капризные пухлые губки тронула, чуть показывая белые зубки, робкая улыбка. А васильковые глаза с удивлением смотрели на мир, в будущее. Казалось, это чудное, сошедшее с небес создание спрашивает потомков: как вы живете без меня? И почему без меня?

– По-моему, картина великолепна, – высказался Щукин.

– Если внимательно присмотреться, – пояснила Зоя Федоровна, – можно обнаружить недочеты художника. Например, веер из павлиньих перьев выходит на первый план, несколько затеняя натуру, а в портрете главное – модель. Веер велик, эклектичен, с натурщицей не вяжется. Теперь рука... Взгляните, она выписана не в соответствии с пропорциями, а грубо, неумело, будто художник торопился, писал руку абы как. По мне, так портрет писал один художник, а руку с веером – другой. И фон незаконченный. С одной стороны листва, а с другой – просто темный фон, без глубины, без перспективы. Такое ощущение, что художник грубо замазал черной краской эту часть картины. В общем, ему удалось выписать толь-

ко лицо и волосы. К остальному он либо отнесся наплева-
тельски, либо у него не получилось достичь желаемого эф-
фекта из-за отсутствия мастерства.

– Более крупный снимок есть? – не удовлетворился рас-
сказом Щукин.

Танечка вынула из папки большую черно-белую фотогра-
фию, и Архип Лукич, вытянув руку, в которой держал сни-
мок, начал внимательно изучать изображение. Он давно за-
метил: цветное фото зачастую отвлекает красочностью, а на
черно-белых снимках детали, недостатки и достоинства как
бы укрупняются. Теперь он был согласен с Зоей Федоровной
в оценке картины. Кроме, пожалуй, фона. Фон как фон, тем-
ная сторона, и все. Зачем обязательно нужна глубина и про-
чие изыски? На темном фоне белокурый ангелок выделяется
чарующей красотой. Но веер действительно отвлекает. И ру-
ка похожа на клешню, не вяжется с белокурым ангелочком.
Танечка подала еще один снимок:

– А вот та же картина, но в рамке.

Рамка... Это было что-то с чем-то! Широкая, усеянная
выпуклыми гроздьями винограда и листьями, выступающи-
ми за границы рамы. Вычурность резьбы никак не сочета-
лась с портретом.

– Как думаете, почему вор просто не вырезал картину, как
обычно поступают похитители живописных полотен? – спро-
сил он.

– Нож забыл, – высказала предположение Зоя Федоровна.

Щукин, бросив в нее насмешливый взгляд, смутил заведующую, и она стала оправдываться: – Мне самой непонятно. Воры действительно предпочитают вырезать холст...

– Без подрамника и рамы картину легко спрятать, – пояснил Щукин.

– Знаете, мы однажды хотели «одеть» картину в более скромную раму, но обнаружили, что эта резная рама очень плотно прижимает края полотна с двух сторон. Ну, мы и не стали пытаться разъединить раму и картину. Все же дереву без малого два века, боялись, вдруг все рассыпется.

– Как называется картина? – осведомился Щукин.

– В нашей экспозиции она висела под названием «Женский портрет начала девятнадцатого века. Русская живопись, художник неизвестен», – ответила Зоя Федоровна. – А неофициальное ее название «Любовница Синей Бороды». Мы не стали употреблять истинное название картины, слишком зловеще оно звучит.

– Хм, странное название, – задумался он. – Синяя Борода? Там была какая-то криминальная история, если не ошибаюсь. Кажется, этот господин убивал своих жен.

– Видите ли... – В глазах Зои Федоровны блеснули смешливые искры. – Вы сейчас упомянули сюжет сказки Шарля Перро. Кстати, эта сказка не так проста, как кажется. В ней интересна мораль. Ведь граф Синяя Борода наказывал жен за непослушание. Он запрещал им входить в одну из комнат замка, но женское любопытство оказывалось сильнее. Ко-

нечно, он действовал как провокатор, давая ключ от заповедной комнаты и уезжая из замка. Но разве граф не вправе был убедиться в преданности и послушании жен? В те века его поступок никто бы не осудил. Но эта сказка, правда, очень похожа на быль, и прообразом Синей Бороды считают нескольких человек. Например, английский король Генрих Восьмой жен менял на протяжении жизни несколько раз – то разводился, то казнил, головы рубил. Чем не Синяя Борода?

– Да уж... Но вернемся к нашей краже.

– А история создания портрета вам известна?

– Абсолютно ничего не известно.

– Но должен же кто-нибудь знать о ней! Может, название «Любовница Синей Бороды» числится где-то в каталогах...

– Насколько мне известно, ее нет ни в одном каталоге, кроме как в нашем. Эксперты еще в советское время оценили картину скромно – не шедевр. То есть за нее не дадут огромных денег. Но, может быть, вору достаточно небольшого вознаграждения...

Архип Лукич задумался. Что-то сомнительно... Тогда какого черта было вору рисковать? Чтобы украсть вещь, которая не принесет баснословных денег? Золото из курганов на западных аукционах стоит огромные деньги, за какую-то фитюльку можно получить тысяч сто долларов... Почему же дорогие скифские поделки не взяли? Есть в этой нелогичности нечто противоестественное...

– Можно мне забрать фотографии? – спросил Щукин.

– Конечно, – разрешила Зоя Федоровна, а минуту спустя, пока Щукин не отрывал глаз от изображенного на них ангелочка, с грустью проговорила: – Знаете, у меня омерзительное ощущение. Будто прокрались в твой дом, беспардонно рылись в твоих вещах грязными лапами, потом забрали частицу твоей души... Кстати, украденный портрет нравился посетителям, у камина народ надолго задерживался.

– Все же странное у него название – «Любовница Синея Бороды». Почему не «Дама с веером», скажем? – произнес Щукин. – На мой взгляд, женщина, изображенная на картине, чиста и непорочна, а тут любовница... да еще изувера...

– Почему не допустить, что это чистое создание попало к развратному и жестокому человеку? Вон, почитайте, какую власть имели помещики над крепостными. А девушка, возможно, была крепостной. Кстати, многие русские помещики держали гаремы, жестоко обращались со своими рабынями.

– А почему вы считаете, что название именно такое? – не успокаивался следователь.

– Сзади на холсте есть надпись: «Любовница Синея Бороды». И больше ничего. Ни даты создания, ни подписи художника.

– Я полный дилетант в живописи, но... Вы ведь сказали, что картину написал крепостной и, если не ошибаюсь, русский живописец, так?

– Да, все верно.

– Откуда же вы знаете, что ее писал русский живописец,

тем более крепостной?

– Ну, во-первых, определен возраст картины. Во-вторых, надпись. Надпись сделана на русском языке и в то время, когда создана картина. Название написано не чернилами, а краской. Эта же краска, вернее цвет, встречается на полотне. Вероятней всего, именно автор картины написал название, поэтому мы решили, что создал ее русский живописец.

– Но почему он крепостной? – не унимался Щукин, будто это важно – в рабстве находился художник или был свободным. Скорее, Архип Лукич удовлетворял свое любопытство, как удовлетворяли его жены Синея Бороды из сказки, заглядывая в запретную комнату.

– Картина, безусловно, написана талантливым художником, но самодеятельным, сама манера об этом говорит. Русские художники, прошедшие академическую школу, писали иначе, добротней, грамотней. Если смотреть на оригинал, то заметны мазки, а это нехарактерно для тогдашней живописи, в то время увлекались светотенью, мазки сглаживали. Отсюда следует, что писал художник, не получивший образования, а работавший по наитию. Надо еще учесть, что знать всячески поощряла рвение к искусствам в своих холопах, ведь это поднимало престиж собственника. Вот мы и сделали вывод, что написал портрет крепостной.

– Вы не знаете, кто-нибудь проявлял интерес к картине? Я имею в виду особый интерес? Может, один и тот же человек часто приходил в музей, подолгу любовался ею?

– Не знаю. Надо у девочек спросить, которые проводят экскурсии.

– У меня просьба, Зоя Федоровна. Постарайтесь отыскать сведения о картине, может, где-то все же есть упоминания о ней.

– Обещаю сделать все возможное.

Архип Лукич вернулся в зал, приблизился к эксперту:

– Ну, что тут у вас?

– Обычное дело, – не утешил Натан Ефимович. – А вы надеялись, что преступники оставят пальчики, отпечатки ботинок, волосы или какую-нибудь вещичку? Нет, к сожалению, все чисто. На мой взгляд, Архип Лукич, самая большая ошибка цивилизации – переизбыток информации. Человек в наше время знает слишком много такого, что знать ему вообще не нужно. Телевидение, радио, газеты усердно информируют население о преступлениях и методах их раскрытия, в результате преступники извлекают уроки, становятся предельно осторожными и предусмотрительными. Вам так не кажется?

– Кажется, кажется, – покивал Архип Лукич, пристально оглядывая зал музея, словно сейчас ему должно было открыться то, чего остальные не замечают.

Когда-то здесь танцевало на балах местное высшее общество. Вон там, наверху, наверняка сидел маленький оркестр. Дамы порхали вокруг кавалеров, обмахиваясь веерами и источая аромат терпких духов. Элегантные кавалеры щеголяли

изысканными манерами. Они дрались на дуэлях из-за дам, не пили, как лошади, водку, не курили всякую солому... Кстати, не пора ли покурить?

– Угадайте, сколько было преступников? – сощурился эксперт.

– Не батальон, – нашелся Щукин, думая лишь о том, с чего начать поиски преступников. Ему ох как не хотелось пополнить список своих нераскрытых дел.

– Точно! – подхватил пожилой эксперт. – Их было двое. «Какая разница – двое, трое? – подумал следователь. – Картину украли, ее предстоит искать. Причем искать не шедевр. Как это увязать?»

– Я водил сюда внуков, друзей, которые приезжали погостить ко мне. Что в нашем городе можно показать культурное? Не кабаки же! В первую очередь – музеи, парки, старые улочки. Должен сказать, рама меня поразила...

– Натан Ефимович, только не выдвигайте версию, что украли рамку, а картину прихватили довеском. Не поверю.

– Я разве это утверждал? – пробасил эксперт. – Конечно, украли картину. Почему вместе с рамой – версий у меня нет. Так вот, сама картина в форме прямоугольника, размером семьдесят сантиметров на метр. В общем-то небольшая. Величие придавала ей рама, она великолепна, неповторима. Ширина обрамления двадцать сантиметров. Кстати, в те времена даже небольшое полотно вставляли в широкие рамы, сосредоточивая внимание на картине. Но я отвлекся. Висел

портрет достаточно высоко. Поднявшись на цыпочки, его не снимешь, грабители подставили стул. Снимать картину одному рискованно – все-таки она громоздкая, тяжелая, можно уронить, разбить раму. Далее. Нужно было отключить сигнализацию, камеры слежения, обеспечить безопасность на выходе... Видите, сколько работы? Двое работали.

Разминая сигарету, Щукин думал о том, где прятались грабители до ограбления. Не вошли же они запросто ночью, поздоровавшись со сторожем за руку? Кстати, о стороже. В музее должен быть сторож. Архип Лукич поспешил на поиски охранника музея.

Его уже допрашивал Гена. Ему можно доверить допрос, он парень серьезный, хоть и молодой. М-да, пожилой человек, каким являлся сторож, не в состоянии обеспечить надежную охрану музею, это так – живая единица среди неживых экспонатов, способная в лучшем случае нажать на кнопку сигнализации. Ключ, которым запирается дверь, после того как уйдет последний сотрудник музея, только у него. Да, замки могли бы быть и понадежней, сигнализация допотопная. Но как же зашли и вышли преступники? Архип Лукич отошел к окну, внимательно слушая сторожа.

– К десяти стали подтягиваться музейщики, тогда-то и обнаружилась пропажа, – рассказывал тот.

– Но все двери были заперты до появления сотрудников музея? – поинтересовался Гена.

– Именно так! Я сам поразился! – нервничал сторож.

– Простите, – вмешался в разговор Щукин, – вы проверяете двери перед сменой?

– А как же! Все были заперты, – волнуясь, ответил сторож.

– И окна?

– Окна ночью не проверял, их смотрители закрывают. Сейчас лето, окна днем открывают, а потом закрывают. Но когда обнаружилась пропажа картины, окна мы сами тут же проверили – закрыты были изнутри, клянусь! На второй этаж без лестницы не взберешься – очень высоко, а напротив жилые дома... воров могли заметить. Я бы на их месте не стал так рисковать.

– Понятно, – сказал Архип Лукич. – Что вы делали ночью?

– Допоздна смотрел футбол, у нас тут маленький телевизор. Футбол закончился в половине второго ночи. Потом прилег – нам для отдыха диван поставили – с газетой и... заснул. Обычно я не сплю здесь, читаю. Знаете ли, музей, экспонаты всякие, портреты, тишина... тут плохо спится, черт знает что мерещится. Ну, иногда кажется, привидения бродят. Я суеверный, поэтому не сплю. А тут... заснул. Сам не понял, как получилось. Проснулся, когда в дверь тарабанила уборщица. Еле поднялся, голова, как отваливалась, а я не пил вчера.

Архип Лукич прошелся от окна к стене, затем взглянул на сторожа. Вид у того был нездоровый, глаза покрасневшие, лицо отечное...

– Гена, – обратился он к оперу, – свози-ка его на анализ

крови. Вдруг понадобится, а будет поздно. Хочу исключить одну версию или остановиться на ней.

А версия была одна: преступников впустил и выпустил сторож.

Тот же день, вечер

– Камеры зафиксировали грабителей, – докладывал Вадик, настраивая в кабинете телевизор и видеоплеер. – Их действительно двое. Видимо, преступники проникли в музей с одной из экскурсионных групп. Сейчас лето, экскурсии – явление частое, вчера музей посетили несколько групп. Грабители где-то спрятались, а ночью вышли на дело. Судя по записи, преступники подготовились. Посмотрите сами, Архип Лукич, вы поймете.

Половина второго ночи. Обзор коридора сверху. Освещение слабое – горел дежурный свет. Из правой двери вышел человек. Одет во все черное, на голове черный шлем с прорезями для глаз, какой надевает спецназ. Он бесшумно прошел в угол...

– Пошел отключить сигнализацию, – пояснил Вадик. В дверях показался второй, одетый точно так же, как первый. Этот ждал сообщника, дальше не двинулся. Экран погас. – Короче, вырубил сигнализацию, отключили видеокамеры, потом прошли в бальный зал и сняли картину.

– Ну-ка, еще раз включи, – попросил Щукин.

Картинка длилась минут пять. И третий раз просмотрели.

– Я ошибаюсь, или на них комбинезоны?

– Точно! – подтвердил Вадик. – Комбинезоны. Причем сшиты на все тело, включая ноги со ступнями. Я в школе

медведя играл на елке, мне сшили точно такой вместе с бахилами. У них только руки свободны. На руках, думаю, латексные перчатки.

– Комбинезоны... – вздохнул Щукин. – Ну, модистку, сшившую этот «медвежий наряд», мы вряд ли найдем. Значит, грабители не дилетанты, знали, куда идут, готовились...

– Есть мысль. Думаю, они бывали в музее не раз. Смотрите: один целенаправленно пошел к аппаратуре, отключил сигнализацию и камеры без проблем, профессионально поработал. Второй ждал... Почему-то второй не помогал общнику.

– У них четкое распределение ролей.

– Я к чему: они знали, где и что находится. Картина – понятно, она постоянно на обозрении, а остальное откуда узнали? Надо не просто побывать в залах музея, но и в других помещениях, узнать, что за охранная система в музее, выяснить, где пульт, рубильники...

– Отлично. – Настроение у Щукина несколько улучшилось. – Прощупаем сантехников, электриков и прочих, имеющих хоть мизерное отношение к музею.

– Архип Лукич! – В кабинет влетел, как смерч, Гена. – Сторож в реанимации лежит под капельницей и тому подобное. Врачи сказали: если бы он протянул пару дней, следом протянул бы ноги.

– Не понимаю, – тряхнул головой Щукин.

– Я по вашей просьбе поехал в больницу со сторожем.

Ждал, пока ему сделают анализ крови. В крови обнаружен препарат... сейчас... – Гена зашарил по карманам. – Сильнодействующее снотворное или психотропное средство... я записал, но формула примерная...

– Потом, – махнул рукой Щукин. – В чем там суть?

– Сторож получил большую дозу. К счастью, не прошло двенадцати часов, иначе процесс стал бы необратимым. Мне как перечислили побочные эффекты – жуть! Острая почечная недостаточность, чего-то там с печенью, внутренние кровотечения... Я спрашиваю: дед, что пил и ел? Говорит, чай хлебал от скуки. У него есть жестяная банка с заваркой, я отвез ее в лабораторию. И кружку. Там обнаружили тот же препарат. Понимаете теперь, как он заснул и почему неважно сегодня себя чувствовал? Кто-то подсыпал в банку с чаем снотворного. Насыпал много, чтобы взяло сторожа наверняка.

– Ну-ка, ребята, поехали! – с воодушевлением поднялся Щукин. – Хочу знать, где находились грабители до вылазки. Не засну, пока не найду.

– А чего так срочно? – Вадику не хотелось ехать в музей на ночь глядя. Он же молоденький, симпатичный (даже слишком), да еще с пистолетом за поясом, девочки сами набиваются ему в подружки, соответственно и его по вечерам тянет к ним.

– Объясняю популярно, – сказал Щукин, которого сейчас прямо и узнать было нельзя, так разительно он переменялся,

ожил. – Если мы не найдем место, где грабители прятались, это будет означать, что кто-то из сотрудников музея помогал им, то есть впустил грабителей, отравив сторожа.

– А камеры? Они же контролируют помещения, – возразил Вадик. – До половины второго никого не сняли.

– Во многих помещениях камер нет. В основном они установлены в тех местах, где бывают посетители, следовательно, уйти от них можно. Едем.

От работы до дома им было идти час, и Татьяна и Лада отправились вместе – живут они близко друг от друга и нередко возвращаются вдвоем. Купив на стихийном рынке рядом с домом овощей у деревенских старух, Лада предложила зайти к ней на чай, мужа нет дома. А там ждал сюрприз: Илья спал, напившись, о чем свидетельствовала пустая бутылка из-под водки. Лада, увидев эту картину, психанула и ушла на кухню, за ней поплелась на цыпочках Таня.

– Не осторожничай, – раздраженно сказала Лада. – Он все равно будет спать как убитый. Извини, я тебя невольно обманула – Илья, оказывается, дома... – Она поставила на плиту чайник, устало опустилась на табурет. – На водку у него денег, видите ли, хватает, дешевый самогон он не уважает... Сто раз думала подать на развод, консультировалась у юристов, результат неутешительный. И главный вопрос – квартирный. Нас разведут, конечно. Дочери и мне достанется две трети площади, мужу треть. Как делить на три части двух-

комнатную малогабаритную квартиру – никто не знает. Илья не даст согласия продать квартиру, потому что не купит на свою часть приличного жилья, да и на каморку не хватит. Кстати, я на нормальную жилплощадь тоже рассчитывать не могу, значит, придется жить вместе, ничего не изменится. Однажды услышав слово «развод», он мне кулаком по лицу заехал.

– Ну и что? Все дерутся, – успокоила Татьяна. – Даже интеллигентные супруги хоть раз в жизни, но обязательно дерутся.

– Не очень утешает. Я позор едва пережила...

– А где малышка? – решила переменить тему Таня.

– У мамы. Мало того что она дает нам продукты с огорода, которые выращивает без нашей помощи, так еще и внучку берет на лето к себе, а на мои жалобы отвечает: «Терпи». И это моя мать!

– Некоторым хуже приходится, – заверила Таня. – В нашем доме из второго подъезда один алкаш раз в неделю гоняет жену с детьми. Напивается и гоняет в прямом смысле – бегают за ней то с ножом, то с топором по этажам, по улице, кричит: «Убью!» Она переживает буйность, потом возвращается домой. Тоже терпит.

– Не хочу терпеть! – в сердцах воскликнула Лада и ушла в ванную. Татьяна поплелась за ней. Но и здесь Лада не смогла остановиться – так и мыла руки, жалуясь: – Самой сюда лишней раз заходить не хочется, ванная комната не отремонтиро-

валась со дня сдачи дома. Муж есть, а подкрашиваю, белю, трубы чищу я! Господи, на кого я стала похожа...

– Перестань, ты отлично выглядишь. Фигура стройная...

– С чего бы моей фигуре полнеть? От недоедания? Уже седые волосы перестала выдергивать, а то вовсе облысею... Как, на твой взгляд, седина в светлых волосах сильно заметна?

– Совсем не видна, честное слово.

Лада замолчала, задумалась. Татьяна слегка толкнула ее в плечо:

– Э-эй, чай-то пить будем?

– Нет, ты извини, Танюша... Я совсем забыла – у меня срочное дело.

– Ну, раз срочное, то в другой раз выпьем чаю.

После ухода Татьяны Лада торопливо приняла душ, переделась в чистое белье, перебрала скромный гардероб. Ничего нет приличного! Что ж, памятник надо поставить тому, кто придумал джинсовую одежду. Надела юбку и жилет, замазала белым кремом босоножки, схватила сумочку. Бросив последний взгляд на спящего мужа, ушла, тщательно закрыв дверь.

Дмитрий Орлов ждал ее за два квартала от дома. Это называется конспирация. Познакомились они полтора месяца назад, когда лил дождь – он проезжал мимо, остановился и предложил подвезти ее, хотя Лада не поднимала руки, останавливая машины. Потом встречались два-три раза в неде-

лю, сидели в кафе, гуляли. Диме тридцать шесть, он на два года старше мужа Лады, внешне далеко не красавец, но и не крокодил. Он пока не тащил Ладу в постель, ей с ним было интересно, она, встречаясь с Дмитрием, преображалась, забывая, что за ее спиной куча проблем. Как-то так получилось, но сблизились они без физической близости. А ведь когда-то наступит перелом... Не из-за интересных же бесед с ней мужчина назначает свидания. Лада еще не знала, как будет вести себя, когда он захочет большего, для себя не решив точно, захочет ли и она того же. И вот сегодня... может быть... Только причиной этого будет вовсе не влюбленность в нового знакомого. Наверное, так и совершают люди несообразные поступки – когда наступает перелом и тебя несет, как комету в космосе.

Орлов, ни слова не говоря, поехал к центру, искоса поглядывая на Ладу, которая лишь поздоровалась и, сев в салон, не отрешилась сразу от «заплечного» груза, как бывало раньше, а глубоко задумалась. Обычно они по дороге легко болтали, смеялись.

– Лада, ты сегодня какая-то... на себя не похожа.

– Да? – очнулась она. – Прости, наверное, это из-за картины.

– Какой картины? – слегка заинтересовался он.

– Ночью из нашего музея украли картину.

– Фью! – присвистнул он. – Шедевр?

– Нет, но картину все любили. Я тебе показывала ее, «Лю-

Бовница Сине́й Боро́ды» называется. Помнишь?

– Помню, но смутно. А почему украли, если она не шедевр?

– Не знаю. Украли вместе с рамой.

– Неужели? Это что-то новенькое в воровских делах. На сколько я знаю, рамы от украденных картин воры великодушно оставляют владельцам. Не расстраивайся, картину найдут. Ты не против, если мы сейчас поедem в центр и посидим в ресторане?

– Мне неловко заставлять тебя тратиться. Можно просто погулять...

– Ну, ты же не станешь заказывать черепаховый суп и акулы плавники, которые должны доставить самолетом с берегов Тихого океана?

– Не стану, – наконец улыбнулась Лада.

– Тогда порядок, на остальное я как-нибудь наскребу.

Второй сторож музея, сегодня карауливший древности вместе с предполагаемыми привидениями, не желал пускать следователя и оперативников на свою территорию, хоть те и махали удостоверениями.

– Ага, ага... – подозрительно и вместе с тем ехидно кивал дед за окном, открыв форточку, чтобы неожиданные посетители хорошо его слышали. – Сейчас любое удостоверение нарисуют, хоть президента Соединенных Штатов. Так я и пустил вас! Днем приходите.

– Дед! – кончилось терпение у Вадика. – Открой, а то привлечем.

– За что? – хмыкнул тот. – Я несую охрану исторического объекта, который такие, как вы, ночью ограбили. Вот как вызову сейчас милицию...

– Да вызывай! – психанул Вадик. – Вот старый хрен!

– Вызову и сам тебя привлеку за оскорбление при исполнении! – выкрикнул в ответ сторож, скрывшись из вида. Вскоре громко, чтобы за окном не пропустили ни одного его слова, он заговорил по телефону: – Алло! Милиция? Трое мужчин лезут в музей. Сигнализация? Сейчас нажму...

Наряд милиции прибыл через пять минут с полным набором – автоматами и бронежилетами. Выяснив, что вовсе не грабители ломаются к сокровищам музея, они уехали, убедив сторожа впустить следователя и оперов. Сторож принес поздним визитерам свои извинения.

– Ничего, ничего, мы не в обиде, – проговорил Щукин, прямо с порога принимаясь за изучение помещений и закоулков здания музея. – Вадик, иди наверх, Гена в правое крыло, я в левое. Осматривать все, что встретится на пути.

– На первом этаже подсобные помещения, кабинеты отделов и несколько выставок, – пояснял сторож Щукину, следуя за ним по пятам. – Выставки неинтересные, сплошь одни фотографии, экспонатов мало, а чего на фотографии смотреть? Вот бальный зал, тот красивый, я люблю туда ходить, когда никого нет.

Архип Лукич медленно прохаживался по первому этажу, сунув руки в карманы брюк и рассуждая: будь он на месте воров, где бы спрятался, чтобы сотрудники музея, проводя осмотр, не догадались туда заглянуть? В одном из кабинетов грабители никак не могли притаиться. В кабинеты заходят люди, а они имеют способность ощущать биотоки посторонних. Архип Лукич не раз убеждался, что присутствие чужого чувствуется, даже когда его не видно.

Щукин ходил сейчас по пустым коридорам с высокими потолками, вслушиваясь в гул от собственных шагов, и... отвлекся. В этом здании время словно остановилось, у следователя как будто замедлился ритм сердца. Почему возникло такое ощущение? Может, на самом деле здесь обитают невидимые существа? Они притаились в стенах, в темных углах и стерегут некую тайну... Раньше музей представлялся Щукину чем-то выхолощенным, неживым, но вот он оказался здесь и теперь ощущает, что стены старинного особняка будто бы дышат какой-то особенной, неуловимой жизнью. Ему казалось – вот-вот промелькнет перед ним светлая тень, но не напугает, а лишь подтвердит своим появлением: здесь есть жизнь.

– Что это за столы? – спросил Щукин сторожа.

– Столы? – недоуменно пожал тот плечами.

В количестве двух штук, полированные, длинные, без сомнения, тяжелые, закрытые с двух сторон, кроме боков, такими же полированными щитами, так называемые «прези-

диумные», столы были плотно придвинуты к стене. Архип Лукич подошел к ним, оглядел, слушая пояснения сторожа:

– Да стоят себе они и стоят. Их вытаскивают, когда в музее проходят торжества. Редко, сильно тяжелые они. Детишки, что на праздники приходят петь и танцевать, переодеваются здесь, одежду кладут на них...

– Ребята! – громко позвал своих подчиненных Щукин. Через минуту примчались Гена и Вадик. – Ну-ка, попробуйте оба залезть под стол. Отодвиньте вешалку.

Гена отодвинул вешалку в сторону, первый залез сбоку, за ним Вадик.

– И как там? – спросил Щукин.

– Как в бункере! – отозвался Вадик. – Даже особо скрючиваться не надо. Хватает места, чтобы лежать обоим.

– Вылезайте, – приказал Щукин.

Видимо, здесь и прятались грабители. Осталось выяснить, как они вышли из музея при закрытых дверях. Вадик прав: преступники были неплохо осведомлены о том, что находится в помещениях музея. И они знали, что именно в этом закутке стоят столы, под которыми легко спрятаться, а главное – под которые вряд ли кто будет заглядывать при обходе. Отсюда следует: грабители не раз бывали в музее, изучили его вдоль и поперек. И если они взяли именно портрет белокурого ангелочка, а не какую-либо другую, известного мастера картину и не оставили без внимания явно дорогие золотые побрякушки, значит... значит, украденная картина –

ценная.

Приглашение: «Поехали ко мне» Лада восприняла однозначно и приняла. А ведь она ни разу даже не целовалась с Димой, как же ЭТО будет у них происходить? А белье? На ней ужасное белье! Почему она заранее не побеспокоилась и не купила приличный гарнитур? Ага, а на что было ей покупать?

Приехали. Домик у Димы был славный – одноэтажный, великолепно отделанный. Въехали во двор – просторный, вымощенный плиткой, идеально чистый. Прихожая. Дмитрий раскрыл перед Ладой дверь, включил свет:

– Гостиная. Там кухня, – показывал он рукой. – Там ванная. Там просто комната, без названия, за ней моя личная территория. Там спальня.

Лада заметила, что он немного нервничает. Сейчас предложит выпить, затем потанцевать, потом... Уф, ну все-то она знает заранее... Желая разрядить обстановку, Лада поинтересовалась просто так, без задней мысли:

– А где детская? В таком доме должна быть детская.

– Детей нет, поэтому нет и детской. Что будешь пить?

– Что нальешь. – Ей действительно было все равно, что пить. А Орлов, кажется, состоятельный человек, и наверняка он женат. – А где твоя жена? Она не...

– Нет, – упредил Дмитрий вопрос, – она не придет. Моя жена устала ничего не делать, поэтому поехала отдыхать.

Кажется, Лада испортила ему настроение. Как будто ей очень важно – женат он или нет. В конце концов, она сама тоже не свободна. Она взяла рюмку с коньяком, выпила.

– Послушай, Лада... – Дима подсел к ней на диван и вопреки ожиданиям не приставать начал, а заговорил, причем почему-то стесняясь: – Можно, я не буду тебе ничего говорить, ничего обещать?

– Можно, – улыбнулась она.

– Ты мне очень нравишься. Сейчас я могу сказать только это.

– Даже этого не говори.

Лада взяла из его руки рюмку, поставила на стол, потом обняла Дмитрия. Долго они так и сидели. Наверное, привыкали друг к другу. Потом... А что потом? Известно. Тут главное – не думать. Лада обнимала чужого, малознакомого мужчину, будто ища в нем покровительства. Она только попросила выключить свет, вот уж что ей показывать стыдно – хлопчатобумажное белье.

На следующий день

Полночи Архип Лукич ворочался с боку на бок, пока не выработал четкий план, по которому предстояло вести следствие. Заодно он пришел к выводу, что новое дело вовсе не безнадежное, хотя и странное. Как раз его странность, может так получиться, сослужит неплохую службу. Картину украли вместе с рамой. Почему? Щукин усматривал в этом определенный смысл, правда, разгадать его он был пока не в состоянии. И еще: как грабители ушли из музея при закрытых-то дверях? Щукин заподозрил в содействии им сторожа, но... преступники, сшившие комбинезоны с бахилами, изучившие вдоль и поперек музей, готовясь к ограблению, не могли допустить такой ляпсус и дать в руки следствия подобную грубую улику – сообщника в лице сторожа. Итак, двери были заперты, а грабители, усыпив сторожа чуть ли не навсегда, сцапали картину и ушли. О чем это говорит? Они поставили цель не только умыкнуть картину, но и пустить следствие по ложному пути, тем самым выигрывая время. А ложный путь – сторож.

Напрашивается вывод: у грабителей был ключ. Где они его взяли? У сторожа все ключи на месте. Не могли же воры выйти, запереть за собой дверь, потом вернуть ключ на место? Щукин не раз на своем опыте убеждался: то, что выглядело на первый взгляд мистификацией, оборачивалось по-

том продуманными действиями. Главное – не считать преступников дураками.

Первое, что сделал утром Архип Лукич, – дал указание, чтобы при досмотре на дорогах автомобилей работники автотинспекции обращали внимание на плоские предметы прямоугольной формы размерами примерно метр на метр. Разворы оставили картину в раме, наверняка и перевозить ее будут в том же виде. Также следователь высказал пожелание, чтобы милиция в городе и на вокзалах тоже искала плоские предметы в упаковке и задерживала всех, у кого они будут замечены. Потом Архип Лукич, Гена и Вадим снова поехали в музей.

– Зоя Федоровна, вы мою просьбу выполнили? – обратился Щукин к заведующей, которая уже немного оправилась после вчерашнего удара и выглядела не такой убитой горем.

– Просьб у вас было, по меньшей мере, три, – улыбнулась она следователю чуть-чуть кокетливо. – Первая: разузнать все о картине. Ее я не могла выполнить даже физически, на это потребуется время. Вторая: выяснить, как попала картина в музей. Задача выполнима. Третья: я должна опросить экскурсоводов, нет ли у нас постоянного клиента и не проявлял ли он повышенного интереса к картине. Сегодня опрошу всех.

– Я сам опрошу. Скажите, вы как заведующая занимаетесь и хозяйственными делами? Здание обслуживают постоянные рабочие? Ну, там... сантехники, электрики...

– В общем, да. Когда требуется, я звоню в соответствующие службы, оттуда присылают к нам рабочих, те устраняют поломку.

– Присылают одних и тех же людей?

– Не всегда.

– За последнее время к вам приходили работать незнакомые люди?

– Ну, конечно. В этих службах большая текучесть...

– Дайте-ка адреса и телефоны служб, с которыми вы сотрудничаете.

Гена и Вадик уже знали от своего шефа, что им предстоит прощупать тех людей, которые недавно поступили туда на работу и успели побывать в музее, поэтому, забрав телефоны с адресами, сразу же убежали. Архип Лукич помолчал и решил высказать заведующей комплимент – не женщине, а ее маленькому государству, то есть музею:

– А знаете, у вас здесь атмосфера какая-то не музейная... живая...

– Правда? – расцвела Зоя Федоровна. – Это потому, что у нас постоянно бывают люди. Не только экскурсии – мы проводим интересные музыкальные и литературные вечера, народные праздники. Я вас обязательно приглашу, вы не пожалеете.

А следовательно уже пожалел. Пожалел, что заговорил на данную тему. Ну, получит он приглашение – будет неловко не прийти, а Щукин никак не являлся любителем всяческих

мероприятий, пусть даже сугубо культурных. Он предпочитал рыбалку и чтение в свободное время. И никогда не тяготился своим одиночеством. А на мероприятия бегают те, кому заняться нечем. Таково было его твердое убеждение.

– Значит, вы разрешаете приходиться сюда абсолютно всем? – спросил он.

– Конечно. Для чего же тогда существуют музеи?

– Понятно. Где бы мне теперь уединиться, чтобы опросить ваших сотрудников?

– Располагайтесь у меня в кабинете, а я у девочек побуду. С кого начнете?

– С тех, кто читает лекции, проводит экскурсии.

Почти целый день ушел на опрос только научных сотрудников, а впереди были хранители, уборщицы, смотрители. Архип Лукич разочаровался: никто из них не заметил людей, проявивших особый интерес к украденной картине. И вдруг в кабинет вошла молодая женщина, которой до полного идеала не доставало малости – хорошей одежды и косметики. Наверное, скромность украшает, но и упрощает. Имя у женщины было приятное – Лада.

– Вы проводите экскурсии... – начал Щукин заученно. – Не обращали внимания, кто-нибудь интересовался картиной сверх нормы?

– Разве может быть интерес к произведению искусства сверх нормы? – приподняла женщина соболями брови. – Далеко не все могут переложить на холст или на бумагу свои впе-

чатления, не все способны написать музыку, создать неповторимое... Это удастся единицам. Именно единицы остальным людям дарят счастье созерцания, извините за банальность. Тогда-то и проявляется интерес у толпы – когда ее потрясают искусством.

– Вы говорите о произведении искусства. Но мне сказали, что украденный портрет – далеко не шедевр.

– А люди не застрахованы от ошибок! – пылко заговорила Лада. – Лично я исхожу из того, насколько художественное произведение на меня воздействует. Пусть в «Любовнице» недостает мастерства, но она написана эмоциональным человеком, может быть, безумно влюбленным в модель. В то время любили по-особенному – страстно, безудержно. Вам знакомо чувство фрустрации?

– Насколько я понимаю, вы имеете в виду состояние безысходности и отчаяния при невозможности самореализации?

– Именно. На мой взгляд, в нашем портрете есть нечто неудовлетворенное, щемящее, несмотря на видимую красоту и любование натурой. А манера исполнения новая, смелая. Конечно же, картина не вписывалась и не вписывается в рамки стиля эпохи, принятых норм, оценки мастерства того времени. Академическая школа приветствовала скрупулезно выписанные детали – складки там, манжеты и так далее, а личность на портрете возвеличивалась. Величие и блеск, помпезность – вот главное в портрете того времени.

– Не согласен. – Щукина почему-то вдруг потянуло спорить, обычно он избегал этого. – Я вчера взял альбомы у соседей, просмотрел живопись конца восемнадцатого – начала девятнадцатого века и нашел много замечательных картин.

– Безусловно, и тогда художники пытались выйти из установленных рамок, оживить, что ли, свои работы... – Лада вдруг осеклась, потом через паузу вздохнула: – Слышали бы искусствоведы, что я вам говорю, они бы меня убили.

– К счастью, вас слышу только я, – улыбнулся Щукин.

– Мне довелось видеть в оригиналах многие работы тех лет, и признаюсь честно: они не произвели на меня сильного впечатления. Что-то в них есть надуманное и неестественное, а то и сахарное. А личность художника не просматривается. А вот если бы вы видели нашу картину, то заметили бы тонкую, больную душу художника. Я не знаю, как это объяснить, но чем больше смотришь на «Любовницу», тем больше думаешь о художнике. В общем, лично я считаю нашу картину произведением искусства, хотя мое мнение в расчет не берут.

– Я услышал два разных мнения о вашей картине.

– И услышите их сотни. Сколько будет людей, столько и впечатлений. Это и значит, что картина воздействует.

– А как же веер, отвлекающий от модели? – щегольнул Щукин своими познаниями в живописи. – Это одно из доказательств, что картину писал не мастер.

– А если художник намеренно сделал акцент на веере,

пряча таким образом свою возлюбленную? Может, это была его маленькая месть за ее равнодушие к нему?

– Как вы думаете, почему картину украли вместе с рамой? – неожиданно сменил Щукин тему. Лада отрицательно пожала плечами. Следователь вздохнул, предполагая, что больше ничего нового не услышит. – Значит, никто не проявлял особого интереса к картине...

Лада нахмурилась, видимо, вспоминая. Внезапно она подняла глаза, испуганно хлопнула ресницами пару раз и вымолвила:

– Интересовались.

– Да? И кто же?

– Это было... давно. Год назад. Однажды меня попросили провести экскурсию для одного человека, итальянца лет шестидесяти. Он был без переводчика, прекрасно говорил по-русски, но с акцентом. Знаете, итальянский акцент очень красивый...

– И что, что было? – нетерпеливо перебил ее Архип Лукич.

– Он сразу попросил отвести его к «Любовнице Синея Бороды».

– Так и сказал – «Любовнице»? Итальянец знал неофициальное название портрета?

– Ничего удивительного. Он побывал на сайте нашего музея, где мы немного рассказали о наших экспонатах, а потом, приехав в город, заглянул в музей. Знаете, он не отходил от

картины несколько часов. Мы предоставили ему кресло, он сидел и смотрел. И он... он плакал. Когда я, извинившись, спросила, чем вызваны его слезы, он ответил: «Памятью прошлого». Думаю, тот посетитель – очень сентиментальный человек, поэтому так растрогался.

Щукин удрученно вздохнул: в Италию его никто не командироват, да и кого искать там? Может, этот сентиментальный синьор и заказал картину, чтобы упиваться своей сентиментальностью на досуге прямо в Италии. Было бы, конечно, разумным сейчас ловить «Любовницу» на границах страны, но... контрабандисты обязательно придумают, каким способом переправить украденную вещь в Италию. Такое не раз бывало в криминальной практике. Все, кажется, облом...

– Не знаю, может, вам это поможет... – как бы извиняясь, пролепетала Лада, заметив, что ее собеседник расстроился. – Он оставил визитную карточку, сказал, если понадобится его помощь, например, в реставрации картины, он сделает все возможное...

– Да что вы говорите! – Щукин внутренне сжался, еще не веря в удачу. – Что же вы молчали? Несите, несите визитку, да смотрите не потеряйте ее по дороге...

Так-так, итальянец рыдал перед полотном год назад... Очень существенная ниточка! Хоть бы понять, чем вызван столь слезливый интерес иностранца. Да, скорее всего, итальянец и заказал картину...

Размышления следователя прервались – Лада принесла

визитку.

– Что это за слова? – указал Щукин на длинную череду латинских букв.

– Его титулы, – пояснила Лада. – У него их много. Он и «принчипе», по-итальянски – князь, и виконт. Имеет не только итальянские титулы, но и французские, и при том очень прост в общении. Говорил, что титулы – это дань предкам, на самом деле он работает с утра до ночи. А читать надо последние три слова.

– На-та-ле... – начал читать имя по слогам Щукин. – Ди... Мон...

– Натале ди Монтеверлио, – помогла ему Лада. – Он рассказывал, что в Италии любят ласкательную форму имени – родные звали его Наталино, а совсем близкие – просто Лино. Там его телефоны указаны, он живет в Неаполе, в Турине и в Риме. Думаете, это он украл картину?

– Что вы! – живо возразил Архип Лукич. Не хватало, чтобы пошел слух, будто следователь Щукин подозревает иностранца! Это ему грозит такими неприятностями... Нет, Архип Лукич намерен действовать осторожно, очень осторожно. – Синьор Натале где, Лада? В Италии. А кража совершенна где? У нас.

– Но... вам не кажется, что он мог...

– Не кажется. Просто я хочу знать истинную ценность картины. Раз у итальянца прорезалась «память прошлого», он что-то знает о «Любовнице Синей Бороды». Лада, спасибо,

вы оказали следствию неоценимую услугу.

Она попрощалась. Архип Лукич поблагодарил Зою Федоровну за предоставление кабинета, вышел из здания музея. В это время красавица Лада садилась в машину – она помахала следователю рукой, одарив очаровательной улыбкой. Ее увез счастливчик, которому она дарит себя. Так подумал мельком Щукин.

Вечером, пока Архип Лукич набирал на телефоне сложную комбинацию из цифр, Вадик с Геной, потягивая пиво, ибо стояла жара, состязались в итальянском языкознании.

– Я знаю, – хвастал Вадик, – слова «синьор» и «си», что означает «да». Еще – «чао».

– В таком случае я тяну на переводчика, – хмыкнул Гена. – К твоим трем прибавляю «ариведерчи», что означает «до свидания», «баста», что означает «хватит» и...

– Вспомнил! Амаретто – раз, Мадонна – два, папа римский – три.

– Пф! – фыркнул Гена. – Если я начну вспоминать спиртное, которое делают в Италии, и всех итальянских святых, ты будешь бледно выглядеть.

– Тише вы, остряки! – буркнул Щукин. – Лучше скажите: тут перед фамилией стоит частица ди. Ее надо употреблять или можно опускать?

– Насколько я понимаю, – пустился в рассуждения Гена, – это «ди» сродни французскому «де». Вот смотрите: «граф де

Монте Кристо». А у нас – ди Монтеверлио. Думаю, надо.

– Тсс! Кажется, соединилось...

Ребята подлетели к Щукину с обеих сторон, прильнули ушами к трубке.

– Si? – раздался в ней женский голос.

– Извините, я не говорю по-итальянски... – начал Щукин.

– А она вас не понимает, – съехидничал Вадик.

– Мне нужен синьор ди Монтеверлио!.. – закричал Щукин в трубку.

– Она сказала «момент», что означает «ждите», – перевел главный знаток итальянского Вадик.

– Да тише ты! – шикнул Щукин, прикрыв трубку ладонью. Услышав бархатный мужской голос, он торопливо заговорил: – Это из России вас беспокоят... из прокуратуры города...

– О, Россия?! – обрадованно воскликнул синьор Монтеверлио по-русски. – Да-да, я вас слушаю. Только говорите медленней.

– Помните наш музей и картину под названием «Любовница Синея Бороды»? Дело в том, что ее украли. Нам бы хотелось знать...

– Как вы сказали?! Украли мою картину? Вы не ошиблись?

– Да, украли. Ее не считают шедевром, поэтому нас удивила кража, ведь в музее хранятся более ценные вещи.

– Простите, ценность – понятие относительное. Моя кар-

тина очень ценная, думаю, грабители это узнали.

– Он второй раз сказал «моя»! – возмутился шепотом Вадик. – Что за жлобство? Эта картина – национальное достояние!

Архип Лукич замахнулся на помощника, показывая мимикой: если Вадик произнесет еще хоть слово, он ему врежет. Молодой человек отошел на безопасное расстояние.

– Вот и нам хотелось бы знать, в чем ее ценность. – Щукин замер, слушая тишину на другом конце провода. – Алло! Синьор Монтеверлио! Вы слышите?

– Да-да, – ответил тот. – Я взволнован. Это ужасно. Я прилечу в Россию при первой же возможности. Будьте так добры, закажите номер люкс в вашем отеле.

– Благодарю вас, синьор Монтеверлио! – Щукин не ожидал такой удачи. Продиктовав собеседнику свои телефоны, Щукин повесил трубку и отер лоб, взмокший от напряжения.

– Ничего себе! Запросто сядет в самолет и прилетит? – изумился Гена.

– Значит, бабок у него много-много, – сделал вывод Вадик. – А из вашей зарплаты, Архип Лукич, вычтут за телефонный разговор с Италией. И останется у вас бабок мало-мало.

– Ничего, посижу на диете, – усмехнулся Щукин. Он был очень доволен. – Что ж – тьфу, тьфу, тьфу, – скоро мы увидим сентиментального итальянца, который почему-то называет украденную картину своей. Но это ничего не значит,

парни! Продолжайте поиски тех, кто работал в музее, меня интересуют новички. Причастен или не причастен синьор ди Монтеверлио к краже, а выкрали ее наши, российские граждане. Значит, кто-то специально бывал в музее и хорошенько изучил его оснащение. Очень может быть, что делал он это открыто и вполне официально. Хотя бы одного из грабителей должны были видеть в музее. Интересно, где вору сейчас? Вывезли картину из города или нет?

Лада прикрыла веки от ветра, попадавшего ей в лицо из открытого окна автомобиля. Когда особенно сильные порывы перехватывали дыхание, отчего на секунду замирало сердце, она изумленно распахивала глаза, словно не понимала, где находится... В один из таких моментов ей вспомнился недавний разговор с приятельницей.

– Как! – ужаснулась Таня, когда Лада исповедалась ей. – Ты решилась на измену мужу? С твоими-то моральными принципами?

– Ну да. А почему – не смогу ответить.

– Измена, любовница... – покривилась Татьяна.

– Знаю, знаю! – запротестовала Лада, замахав руками и заходя по коридорчику, где подруга курила. – Звучит действительно пошло. А мне надоела праведность! Ни радости от нее, ни морального, ни физического удовлетворения.

– Конечно, ты не первая изменила мужу... Из мировой литературы я знаю, что будет потом. Сначала ты пожалеешь,

потом тебе станет стыдно, ведь подобное просто так не проходит...

– Это будет потом, – нервно возразила Лада. – Собственно, о чем я пожалею? О том, что тосковала по элементарному вниманию? Что наконец ощутила себя женщиной, а не ходячим памятником всем дурам планеты? Нет, жалеть мне будет не о чем.

– Но сам факт обмана... Ну, не знаю. Уф, извечная бабская тема – муж, как присоска, вытягивающая из тебя энергию. Куда от этого деться? Только упасть в объятия другого.

– Ты прекрасно все понимаешь, – улыбнулась Лада.

... – Куда мы едем? – посчитала она нужным спросить сейчас Диму, сидя рядом с ним в его машине и отгоняя от себя свежие воспоминания, ведь разговаривали они с Таней всего-то полчаса назад.

– Ко мне, – сказал он. – Я скучал и думал о тебе весь день. Возьми.

– Что это? – спросила Лада, глядя на небольшой предмет в его руке.

– Телефон. Сто раз хотел поговорить с тобой, но на телефон музея неловко было звонить, не хочу компрометировать тебя.

– А я... я не умею им пользоваться, – смутилась Лада, беря дорогой подарок.

– Сейчас приедем, научу. Это просто.

Четыре дня спустя

Прошли эти четыре дня для Архипа Лукича Щукина, следователя прокуратуры, практически бесплодно. Проверки, сверки, опросы... и ни одного подозреваемого. Самое большое достижение – был вычислен рост преступников по видеозаписи. Рост одного из грабителей (того, который отключил сигнализацию и видеокамеры) был примерно метр семьдесят пять, а его напарник был высоким, под метр девяносто. Но преступников не найдешь по одному росту. Сантехники, полотеры, электрики и монтеры, в общем, те, кто работал в музее от случая к случаю и постоянно, на все вопросы ответили: нет. Одновременно опрашивали жильцов из домов напротив музея, не видели они случайно, как из музея ночью выходили двое мужчин, неся в руках плоский предмет... Тот же результат – нет, нет и нет. Просто привидения какие-то, а не воры! Прошли в музей незамеченными, вышли через закрытые двери, унесли картину вместе с рамой, а никто ничего не видел. Или люди не хотели связываться с прокуратурой, потому и не желали делиться информацией, предвидя массу неудобств из-за этого.

Вдобавок Архипа Лукича настораживало следующее: за четыре дня шар земной можно облететь несколько раз, а Монтеверю всего-то из Италии до сих пор не прибыл. Закрадывалось подозрение, что итальянский синьор задумал

нечестную игру. А если он уже в Москве и договаривается о перевозе картины через границу? Такое ведь вполне возможно. Почему он два раза сказал «моя картина»? Нечаянно сорвалось с языка? Он продал себя от избытка радости, что картину умыкнули? Время, конечно, покажет, но Щукин обязан предусмотреть все варианты, даже невозможные.

Зоя Федоровна отыскивала сотрудницу, которая работала со дня основания музея и была свидетельницей того, как нашли портрет любовницы Синея Бороды. Старушка предстала перед очами Архипа Лукича – живое воплощение древности.

– Купеческий дом Комарина после революции разделили на квартиры, – рассказывала она по пути к дому, держа Щукина под руку и опираясь на палку, – он решил вместе со старушкой осмотреть здание. – Дом добротный, стены толщиной в полметра, долго не ремонтировался. Меня вон хоть отремонтируй, хоть все части тела замени, все равно рухлядь. А этот дом был сделан на века. Ну, естественно, все когда-то приходит в негодность, понадобился ремонт и дому Комарина. Уже дело после войны было... Начали ремонт с подвала – жильцы решили провести удобства, в основном воду, чтобы не бегать к колонке. Кто побогаче, так сделал себе ванную комнату и туалет. Когда долбили пол в подвале – трубы надо было пропустить под землей, – обнаружили еще один подвал. Народ же у нас любопытный, расширил дыру и полез находку осматривать. А нижний подвал весь камнем выложен, как мостовая. Стены, пол, даже потолок. Состоял под-

вал из нескольких помещений. Стали его разглядывать и нашли кладку, сильно отличающуюся от стен. В общем, решили: здесь была ниша, а потом ее заложили другим камнем. Подумали, что там либо клад, либо подземный ход. Раздолбили кладку и нашли картину. Мы пришли, вот этот дом.

Двухэтажный дом с так называемым цокольным этажом, который в разные времена то причисляли к этажам, то относили к подвальным помещениям, занимал скромное место в ряду других старинных строений. До сих пор в этих домах живут люди, продолжая обустраивать их по своему вкусу. В них высокие потолки, большие комнаты и огромные окна, в результате чего внутри светло. Ну и близость к центральной части города играет свою роль. Одним словом, жильцы из этих зданий ни за какие блага не хотят переезжать в современные квартиры.

– Это еще что, картина... – продолжала рассказ старушка. – Как-то снимали дверь в одном из таких домов, а из нее посыпались золотые монеты! Клад, как положено, сдали государству, но государство, как всегда, надуло, не выплатило положенные проценты. Хотя что я говорю? При чем тут государство? Во всем непорядочные люди виноваты. Их во все времена много было. В другом доме нашли серебряную утварь, замурованную в стену. Если эти дома перебрать по кирпичику, наверняка можно найти немало кладов.

– Значит, картина была замурована в стене второго подвала... – произнес Щукин, глядя на дом. – Не клад, а карти-

на... Что бы это значило, как вы думаете?

– Мы тогда высказывали разные предположения, но не думаю, что хотя бы одно из них верно, – ответила старушка. – Первое, что пришло на ум, – романтический сюжет. Купец, скажем, тот же Комарин, был влюблен в светскую красавицу, заказал ее портрет, затем, досадуя на ее холодность, замуровал полотно в стену. Таким образом, он пытался освободиться от страсти. Еще была мысль, что картину спрятали во время революции, чтобы сохранить семейную реликвию. Потом...

Щукину, лишенному романтических иллюзий, стало неинтересно слушать дальнейшие подобные предположения. Смысла в них он не видел, поэтому спросил:

– Как давно построен дом?

– Могу точно сказать, – вмешалась в разговор Зоя Федоровна, сопровождавшая Щукина и старушку. – Он строился на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий.

– И еще: второй подвал был закупорен, я правильно понял?

– Да, – кивнула старушка. – О его существовании никто не подозревал. Но если вы думаете, что там есть еще один тайник, ошибаетесь. Мы исследовали весь подвал вдоль и поперек. К сожалению, там больше ничего нет, и...

Тут следователь вынужден был извиниться, так как звонил его мобильный телефон. Это звонил долгожданный Монтевердио, Щукин сразу узнал его по акценту.

– Да, да! Здравствуйте, синьор. Где вы находитесь?

– В аэропорту Москвы. Через полчаса полечу к вам.

– Мы вас встретим. Извините, дамы, я должен отлучиться.

Архип Лукич позвонил Гене и Вадику, приказал срочно прибыть в прокуратуру, ведь самолет из Москвы летит недолго.

...Лада собиралась. Она не выносила демонстраций, поэтому просто собиралась, готовясь выйти из дома. Илья был трезв, но это уже не имело для нее значения. Сейчас он напряженно следил за женой. Вот еще один парадокс: Илья, сводивший с ума всех женщин подряд, и молодых и старых, человек, которому прочили большое будущее, – ноль, пьяница, лентяй и зануда. И его нисколько не терзали угрызения совести, он продолжал самоуверенно заявлять, что у него все еще впереди. На четвертом-то десятке? Начинать надо было, как говорится, вчера, сегодня уже поздно, а завтра будет и вовсе бессмысленно.

Когда Илья почувствовал, что вот-вот жена уйдет, он вскочил с дивана, на котором полулежал, перекрыл выход:

– Куда?

Еще один рубеж – придется врать, изворачиваться, наверное, изображать лицом невинность. Этот рубеж казался Ладе труднее, чем измена.

– Хочу побыть одна, – не соврала и не сказала правду она.

– Вчера ты не ночевала дома.

– Если бы ты был трезв позавчера, то заметил бы, что я и ту ночь не была дома.

– И где же ты проводишь теперь ночи? – сжав челюсти, спросил Илья.

– Иногда у подруг, – все же соврала Лада.

– А иногда...

Он не закончил фразу, но за многоточием стояли грязные слова, предназначенные Ладе. Эти слова врезались ей в уши, словно она их услышала. Как же так происходит: двое людей начинают совместную жизнь по любви, но вдруг однажды кто-то из них берет себе право перекраивать жизнь другого, распоряжаться ею по своему усмотрению? И любовь куда-то девается, а на смену ей приходит... пофигизм.

– Не хочу отвечать, – сказала Лада.

– Не хочешь? Я что, не имею права знать...

– Не имеешь, – не грубо, но твердо оборвала его Лада. Уже были и слезы, и крики, и грубости... Она поражалась себе, ощущая внутри полный штиль, поэтому говорила отчетливо и холодно: – Ты живешь, как тебе нравится, а я не хочу жить так, как ты меня вынуждаешь. Посмотри на наш дом. Здесь противно находиться, но тебя это не волнует. Тебя вообще ничего не волнует – ни дом, ни дочь, ни во что она одета, ни что ест. Почему ты забрал у меня право решать, что делать, тогда как сам не считаешься со мной? Почему ты решил, что я твоя рабыня? Я вынуждена готовить еду почти из воздуха, стирать дешевым порошком до мозолей, потому что машину

купить не на что, заниматься ребенком да еще и работать, чтобы было на что купить этот самый дешевый порошок... А что ты для меня делаешь? Ни-че-го. Ну и получай это ничего теперь от меня.

– Ты, как мартовская кошка, бегаешь по мужикам?! Ну, и дрянь... Дешевка! Не ожидал от тебя, не ожидал... Я же тебя в порошок сотру, ты это знаешь. И ты этого заслуживаешь! Провоцируешь меня, да? От тебя же мокрого места не останется, идиотка!

Фыркнув, она попыталась выйти из комнаты. Он предпринял обычный способ урегулирования конфликта – притянул жену к себе. Но поцелуя не получилось – Лада отвернула лицо. Спросила:

– У тебя даже мысли не возникает, что ты стал мне противен?

Илья оттолкнул ее, забегал по комнате. Он был взбешен, ударял кулаком то в стену, то по столу, тем не менее к двери жену не подпускал. Лада оставалась непоколебима:

– Ударить меня хочешь? Ну, попробуй. Ты уже ничего не изменишь. Я – слышишь, я! – теперь сама буду распоряжаться собой, а не ты.

– Тогда уходи совсем! – закричал он, указывая на дверь.

– Если бы я была одна, ни на минуту не осталась бы здесь, – на пределе взрыва заговорила и Лада. – Но у меня есть дочь... кстати, твоя тоже... я должна думать о ней.

– Я теперь сомневаюсь, что это моя дочь!

Подлые слова мужа ударили так, что смыли недавние угрызения совести Лады по поводу измены. Какое счастье, что из этого кошмара, который когда-то был ее семьей, она сейчас попадет в объятия мужчины, с которым и поговорить есть о чем, и в постели с ним не повинность отбываешь, а получаешь удовольствие. Лада попыталась прорваться к двери, но муж успел перехватить ее:

– Ладно, Лада, всякое случается, я прощаю тебя.

– А я не прощаю тебя! Никогда не прощу!

Она вырвалась, открыла дверь. А на пороге стоял... еще один интеллигент, не любящий пить в одиночку, а только под «задушевную» беседу, – приятель Ильи Лескин. Лада указала мужу на него:

– Вот твоя семья, он тебе давно заменил и меня, и дочь! Тебе с ним хорошо водку пить? А мне хорошо быть с другим, – потом она зло прошипела Лескину в лицо: – Подслушивал? Иди, иди, поплачьтесь друг дружке в жилетки, тряпки! – И сбежала вниз.

– Может, записку написать? Мол, ау, князь из Италии! – предложил Вадик, стоя в аэропорту возле выхода, откуда появились прилетевшие в город пассажиры воздушных лайнеров. – Как мы его узнаем? Народу вон сколько, а особых примет его у нас нет.

– Не суетись, – бросил Щукин, выискивая в толпе, идущей навстречу, Монтеверлио. – По трансляции объявят, где мы

будем ждать его, если не догадаемся, который тут наш князь.

– Что тут догадываться... – вздохнул Гена. – Сначала идут титулы, а потом он.

– Точно! – ахнул Вадик, заметив среди толпы невысокого, полноватого, но при том очень элегантного пожилого мужчину в бежевом пиджаке. – Сразу видно: не наш человек. Елки-палки, ему, наверное, через каждые полслова поклон надо отвешивать.

– Синьор ди Монтеверлио? – подошел к нему Щукин.

– Господин Щукин? Очень рад, – запросто протянул руку князь.

– Позвольте представить, мои помощники: Вадим... Геннадий... – После рукопожатия Щукин немного расслабился, а до этого, чего греха таить, волновался.

Оперативники схватили чемоданы гостя в количестве трех штук, потом все загрузились в машину. Выезжая со стоянки, Щукин по-деловому набросал план действий:

– Сейчас доставим вас в гостиницу... то есть в отель. Вы отдохнете...

– Нет-нет, – возразил Монтеверлио. – У меня такая же русская натура, как у вас, следовательно, я крепкий. Вы удивлены? Мои корни здесь, в России. Так сложилось, что мужчины нашего рода предпочитали жениться на русских женщинах. Последним женился на русской мой дед после Первой мировой войны. Я люблю русскую культуру, русский язык, русскую историю и считаю себя почти русским.

Синьору Монтеверлио было примерно шестьдесят, и держался он очень прямо. Его лицо с тонкими, но не классическими чертами излучало покой, какой бывает на лицах людей, не знавших ни особых тягот, ни забот, ни потрясений. Особенно Щукина поразили руки гостя – кисти длинные, жесты выверенные, изящные. При всем при том в синьоре чувствовалась простота, но не та, которая хуже воровства, а настоящая, кристальная, которую можно сравнить со свободой (если не путать свободу с анархией). Монтеверлио был абсолютно свободен во всех своих движениях, словах, жестах, и его свобода никого не ущемляла. Да, он был аристократом, каких даже в кино не показывают.

– Меня заботит картина, – сказал Монтеверлио. – Как она пропала?

Щукин рассказал, что уже стало ему известно, ведь пока следствие не представляло собой тайну. А про себя следователь подумал: если Монтеверлио – заказчик кражи и задумал увезти картину тайком, то, как говорят в народе, спину поломает. Естественно, его здесь не выпустят из поля зрения.

– Печально, – вздохнул итальянец. – Значит, кто-то знает ее лучше меня.

Щукин отставил вопросы на потом – подъехали к гостинице. Монтеверлио проследовал в заказанный для него двухкомнатный люкс, пригласил Щукина и ребят в номер. Архип Лукич из вежливости напомнил гостю, что ему бы следовало отдохнуть после дороги, но итальянец был непреклонен:

– Эта картина мне дорога, она должна была принадлежать моей семье, с ней связана гибель моих родственников здесь, в России. Я заинтересован в том, чтобы ее нашли. Чем раньше я поделюсь с вами своими знаниями, тем быстрее, надеюсь, вы ее... поймете.

А Щукин и рад был такому повороту дела, посему больше не ломался и приготовился слушать. Однако Монтеверлио сначала заказал ужин на четверых в номер и говорил о всякой чепухе. Когда ужин доставили, князь достал довольно непрезентабельную на вид бутылку вина с бледно-серой этикеткой, на которой в полукружье были изображены холмы, облака и виноградники. Вверху угол этикетки пересекла красная полоска.

– Знакомство с Италией надо начинать с вин, – торжественно произнес Монтеверлио. – Это вино носит имя местности южнее Флоренции, а известно своими виноградниками со Средних веков. Сначала вино было белым, и только в девятнадцатом веке рецепт красного вина составил Беттино Риказолли. Он взял за основу виноград Санджовезе, который придает аромат и крепость, немного добавил красного Канайоло, который смягчил жесткость Санджовезе, а легкость вину придал белый виноград Мальвазия. Сейчас можно встретить в Италии много Кьянти, но я рекомендую элитное «Кьянти-классико ризерва». Вы всегда отличите его по петуху на горлышке. Мне бы хотелось, чтобы, попробовав это вино, вы как бы ощутили Италию, вкус нашего солнца,

аромат земли.

Очень ценные познания, особенно для оперативников, предпочитающих в жару пиво, – какое-то вино с петухами на горлышке... Нетерпеливый Вадик выпил свою порцию залпом, Гена, выпил медленно, затем сказал со знанием дела:

– Отличный купаж.

– Я рад, что вам понравилось, – живо отреагировал Монтеверио.

– Синьор Монтеверио, – начал Щукин, во все глаза изучая итальянца, так как все-таки подозревал этого внешне приятного принчипе в коварстве. А что, разве не может быть у Монтеверио желания повесить портрет прародительницы или просто родственницы в своем дворце как память о России? Сто процентов, что такое желание у него есть! – Нас удивила кража «Любовницы Синея Бороды». Говорят, картина – вовсе не шедевр.

– С точки зрения живописи – да, она несовершенна. Но в ней есть загадка, и к этой загадке прилагается ключ.

Все, что угодно ожидал Щукин, но не это. Тайна?! С ключом?! Значит, есть код, шифровка?! Экстравагантно звучит, особенно в наше время.

– Вы хотите сказать, картина должна приоткрыть... что?

– У вас есть время, господин Щукин?

– Сколько угодно.

– В таком случае я расскажу то, что мне известно. Мои предки по крохам собирали сведения о людях, имевших от-

ношение к картине. Говорят, время открывает свои тайны, но, как оказалось, оно и прячет их. Моим предкам удалось много узнать, однако они не нашли картину, а без нее... Нет, пожалуй, вам лучше послушать эту историю целиком.

Итак...

1819 год. Наташа

В 1819 году осенью на дороге арестовали богатую русскую помещицу Агриппину Юрьевну Гордееву, когда она пыталась бежать из России, захватив картину. Ее дочь Наталья Ивановна Гордеева осталась одна в семнадцать лет и, не послушав мать, которая приказала ей ехать в Неаполь к дяде, вернулась в Москву, куда увезли Агриппину Юрьевну жандармы. С ней были трое – управляющий Иона, кучер Фомка и горничная Анисья. Наталья не имела представления, куда едет и что ее ждет...

В Москве Наталья Гордеева решила пока поселиться на старой квартире, в которой она жила с матушкой, но надумала непременно сменить ее. Свет презирает обедневших дворян, а живя в скромной квартире, девушка стала бы вровень с теми, кого судьба невзлюбила. Но Гордеевы, к счастью, богаты, отсюда и жилье приличествует снять подобающее состоятельным людям. Поднявшись на второй этаж московской квартиры, Наташа поежилась:

– Холодно-то как...

– Камин в сей же час растопим, а внизу печку, – засуетился Иона у очага. – А ты приляг, Наташа, видано ли дело – столько суток не спавши.

– Не до сна мне, – согревая пальцы своим дыханием, сказала девушка. – Но ты и сам-то на ногах едва держишься.

– Старый пень на вид трухляв, а корни у него крепкие. Наташа, Агриппина Юрьевна заругается...

– Полно, Иона, утомил ты меня за обратную дорогу.

– Матушка велела ехать в Неаполь... – подчеркивая каждое слово указательным пальцем, брюзжал он.

– Картина! – вспомнила Наташа и кинулась вниз.

Фомка внес вещи, поставил их в угол, а сам тут же при-
могнулся на сундуке и задремал, надвинув шапку на глаза. А
Анисья суежилась на кухне. Наташа отыскала картину, вта-
щила ее наверх. Увидев мучения барышни, Иона подскочил
к ней:

– Да что ж это деется! Где ж такое видано, чтоб барышня
самолично тяжести таскала! Фомка, каналья, харя твоя ла-
потная...

– Оставь, Иона! – переводя дух, сказала Наташа. Приста-
вив картину к стене и размотав веревку, она освободила ее от
тряпицы и с жадностью принялась рассматривать женский
портрет. – Кто это? Почему матушка так дорожит ею?

Иона молчал, копаясь в камине. Когда старик не хотел от-
вечать, он всегда притворялся глухим, уж Наташа изучила
его. Утомившись за длинную дорогу, измаявшись от горьких
дум, сейчас девушка присела на холодную кровать, задума-
лась...

Семнадцатилетняя Наталья Гордеева никогда не спраши-
вала матушку, чем был вызван ее спешный отъезд из поме-
стья год назад. Поначалу думала, что матушка решила хоро-

шо замуж ее отдать, не остановив выбора ни на одном из сыновей местных помещиков, потому и повезла дочь осенью в Москву, куда для этой цели свозили девиц на выданье. Наташа, получившая домашнее образование и воспитание, разительно отличалась от девиц, вышедших из стен пансионов, ибо пользовалась свободой. Она проявляла интерес к хозяйственным делам, имела круг общения и нравственную закалку, посему не падала в обморок по каждому пустяку. Понимая всю ответственность перед предстоящим событием – замужеством, Наташа готовила себя к балам, где предстояло показаться. Для девушки главное – выйти замуж. Да мечталось – за молодого бы, чтобы хоть чуточку нравился... а то как выдадут за старую образину, мучайся потом, терпи его... Но у Наташи хорошее приданое, и это давало ей право надеяться, что выбирать будет она. А матушка, несмотря на строгость, любила дочь, стало быть, не отдаст за старика противного. Об этом думала Наташа по дороге в Москву.

Да все обернулось весьма странно. Сняв скромную квартиру, матушка оставляла дочь с девкой Анисьей, а сама с Ионой подолгу неизвестно где пропадала. При том дочери был дан строжайший наказ – из дома ни шагу. Наташа маялась от скуки, вышивала, читала, а то и вовсе ничего не делала, только думала: отчего матушка не возвращается, отчего они, состоятельные помещики, проживают в скромной квартире, подходящей более мещанскому сословию, нежели дворянскому? А выезд зачем держать вдали от дома, на по-

стоялом дворе, испытывая от этого большие неудобства? Так прошел год. И вдруг Агриппина Юрьевна велела быстро собраться, они сели в карету и поехали... в Неаполь. «Что за причуды?» – думала Наталья. А тут матушку арестовали! И теперь Наташа одна...

В памяти юной Гордеевой сквозь туман сна отпечталось, как Иона уложил ее, снял с ног ботиночки, накрыл пледом...

Наташа, не знавшая ранее хлопот, не имеющая житейского и светского опыта, столкнулась в Москве со стеной отчуждения. Ее не принимали должностные лица, которые могли дать объяснения по поводу ареста матери-помещицы, а если и принимали, то разговаривали в унижительном тоне, будто Наташа – недостойная мещанка, неоднозначно давая понять, что хлопоты ее напрасны. Возвращаясь от чинов, Наташа ругала Иону, который что-то знает, но не хочет ей сказать. А тот отвечал, как попугай в клетке:

– Не велено ничего сказывать, покуда не доберемся до Итальянской земли.

Разумеется, Иона всячески вынуждал Наташу уехать из России, оттого и твердил одно, оттого и был несносен. Но как уехать, когда матушка в тюрьме, а Наташа не знает, за что? Как ее бросить без помощи и надежды? Она догадалась, что действовать следует через знакомых матушки, которые прекрасно знали и Наташу. Тщательно перебрав гардероб, девушка с неудовольствием отметила, что одежда ее вышла

из моды. Не теряя времени на пошив новых туалетов, Наташа велела Анисьешить визитное платье матери, надевала его и отправлялась к знакомым. Каково же было ее удивление и разочарование, когда ее не принимали! Не принимали во всех домах! Стыд после очередной неудавшейся попытки свидеться со знакомыми, которых она почитала благородными людьми, заливал лицо Наташи алой краской, она садилась в карету и даже плакать не смела. А Иона, следовавший за ней по пятам, зудел и зудел, мол, что случилось – то случилось, а ей, воспитанной в послушании, следует выполнять указания матушки.

– Я не могу сбежать, – заявляла Наташа. – Это малодушие.

Она читала газеты, где обязательно писали сообщения о преступлениях и преступниках. Матушку арестовал конный отряд внутренней стражи, значит, ее считают преступницей, а в сообщениях о ней не упоминалось. Естественно, Наталью интересовали и светские новости. И однажды она прочла, что Треповы дают бал. Треповы! Ах, как кстати! Вот куда ей необходимо попасть. Граф Светозар Елисеевич несет государственную службу под началом генерал-губернатора, в его ведении как раз дела полиции! Кто, как не он, знает, за что арестовали Агриппину Юрьевну? И пусть ей в лицо скажут те, кто навещал Гордеевых в поместьях, а в Москве не желает знаться, почему они сейчас отвернулись от Наташи.

Девушка приказала Анисье привести лучшую портниху и шляпницу, ведь если она явится на бал в старом, вышедшем

из моды платье, ее засмеют. Наташа не должна отличаться от московских дам, не должна вызывать к себе повышенный и ненужный интерес. Юная Гордеева спешно готовилась к балу и невообразимо волновалась. Она бывала на детских балах, которые устраивали помещики в их округе, приходилось бывать и на взрослых балах в Дворянском собрании, но всего-то пару раз, едва позволил возраст. Вскорости матушка полностью переменялась, покинула поместья, ездила в Петербург, а Наташа точно в клетке сидела. Не до балов было матушке! Хотя один раз именно в Москве девушке удалось попасть на бал, только уехать пришлось, к сожалению, сразу, едва Агриппина Юрьевна переговорила с нужными людьми. Наташа намеревалась тоже переговорить с нужными людьми, с какими – она пока не имела представления. Решила сначала попасть к Треповым, а уж там она разберется.

Платье-шмиз с высокой талией из индийского муслина, украшенное мельчайшими оборочками и полосками, с глубоким вырезом на спине, который заканчивался кокетливым бантиком из ленты, проходившей под грудью впереди, было изумительно. Декольте немного смущало Наташу – чересчур открыто, вызывающе, непривычно.

– Не извольте беспокоиться, мадемуазель Натали, – убеждала модистка, густо напудренная белой пудрой. – Нынче дамы носят точь-в-точь такие декольте, особенно на балах. Вон у вас и шейка, и плечики чудо как хороши. Отчего ж надобно непременно закрывать женскую красоту? К тому ж фасон

взят из журнала «Костюм паризьен», все именитые парижские дамы шьют наряды из этого журнала. Мне доставляют модные газеты и журналы из самого Парижу. Мужчины нынче отдают предпочтение аглицкой моде, но женщины... женщинам без Парижу никак не жить.

Московская модистка наверняка больше понимала в моде, нежели Наташа, потому юная Гордеева спорить не стала. Да и красивое платье, ничего не скажешь. А шляпка-гнездо «шуте» в стиле бидермейер, с широкими полями, обрамляющими лицо, с атласными лентами, вообще не поддавалась описанию. На миг Наташа забыла о своей истинной цели, любуясь собой в зеркале. Ах, чудо, ах, прелесть! Зато Иона едва не лишился чувств, когда Наташа потребовала оплатить счета. Побледнел, затем покраснел старик-управляющий, опять побледнел, а губы его в негодовании затряслись:

– Эк тебя разнесло-то без матушки! Денег едва на дорогу до Неаполя хватит, а ты тратить их вздумала? Не дам-с!

– Да как ты смеешь! – высокомерно вздернула носик Наташа. – Ты холоп, а указываешь мне?! Несносный старик! Это же... черт знает что!

– Нешто барышне пристало ругаться навроде мужика того! – вытаращился Иона, впервые услышав из уст Гордеевой грязные слова. – Ай-яй-яй! Слышала бы матушка...

– Иона! Платье и шляпка готовы, ты меня ставишь в неловкое положение...

– Лишних денег у нас нету, сударыня. Да и как вы на бал-

то решили попасть? Где билет ваш с приглашением, а? Нету у вас билета! Никто вам его не прислал-с! Это вам не наше Дворянское собрание, это Москва-с! Ежели у нас билет присылают, то в Москве...

Когда старик выходил из себя, он непременно обращался к Наташе на «вы».

«А вообще-то матушка распустила слуг, – думала про себя Наташа. – Эти вольтерьянские идеи до губерний докатились. Вот теперь изъясняйся с собственным холопом!»

– Да кто посмеет остановить меня, столбовую дворянку, когда явлюсь я в роскошной карете, запряженной четверкой, с кучером, в шикарном платье, с горничной и с лакеем? Вы все поедете сопровождать меня, а ты наденешь лакейскую ливрею.

– Я-то надену, – покривился старик, будто проглотил ведро клюквы без сахара, и его морщинистый лик стал препротивным. – А ну как остановят вас? А как назад повернут? Вот сраму-то будет! Чистый скандал! Конфуз! Осрамитесь на весь московский свет!

– Дай денег, Иона, на том покончим, – горячилась Наташа.

– Не дам-с, – сложил тот на животе руки и глаза в сторону отвел.

– Как это не дашь?! – окончательно рассердилась Наташа, заметавшись по комнате и чуть ли не рыча: – Не смешно ли: я у собственного холопа выпрашиваю денег! Ну, будь по-твоему. Обойдусь! Я имение заложу, что в приданое мне

положено, но на бал попаду! А матушка, когда узнает, что ты мне отказал в такой малости, дабы выручить ее...

– Имений у вас нету! – в запале выкрикнул Иона.

– Как это нет? – усмехнулась Наташа. – У нас пять имений, деревни и села, пашни и леса, без малого три тысячи душ...

– Ни душ, ни имений, ни пашен с лесами у вас и вашей матушки больше нет-с. Я вам не однажды втолковывал, да вы слышать ничего не желали, сударыня. Все ваше богатство – я да Фомка с каретой и еще Анисья.

Это было новостью и неправдоподобием. Наташа – девушка с хорошим приданым, еще два года назад с Агриппиной Юрьевной вели переговоры лучшие фамилии в округе о будущем ее дочери, мол, неплохо бы породниться. Три имения с деревеньками и полторы тысячи душ, не считая пуховиков, лошадей, выездов и прочих мелочей, обещалось в приданое за Натальей! Далеко не за каждой княжной дают такое приданое.

– А куда ж они подевались? – еще не верила в катастрофу Наташа.

– Проданы-с!

– Проданы? Кому?! Когда?!!

Иона молчал, глядя в пол. Что-то незнакомое Наташе было сейчас в его облике. Может быть, углубились морщины, и оттого лицо приобрело усталый вид. Или выцветшие глаза потеряли уверенность. Или опустились плечи. А немногим

ранее Иона ходил прямо, гнул руками подковы, скакал верхом. Но эти изменения говорят о старости, они так же естественны, как смена дня ночи. Нет, что-то еще появилось в Ионе – тусклое, нерадостное.

– Матушка не могла продать имения! – более чем его, угваривала Наташа себя. – Да сколько раз она говаривала: «Самое большое богатство – это земля. Ничто не сравнимо с ней. Все бренно и не вечно, кроме земли. Голодай, воду пей, но землю не продавай». А ты говоришь – проданы? Ты нарочно меня обманываешь, чтобы я не поехала на бал?

– Я правду сказал.

Эта правда, которую Наташа не принимала и не понимала, забила в голове, словно колотили по ней молотом. Крах, конец! И припомнила Наталья, что много из того, что было ценного, она давно не видела у матушки.

– Где драгоценности? Я все перерыла...

– И драгоценностей нету-с.

– Мы... – Наташа не могла выговорить ужасное слово, лишь одними губами шевельнула: – Мы разорены? Отвечай, Иона! Разорены?

– Да-с!

Ответ Ионы убил девушку. Состояния теряли в один единый миг, это Наташе было известно, но не такие огромные, как было у Гордеевых! Как могло случиться, что и Гордеевы потеряли состояние? Наташа упала на стул, глаза ее блуждали в потрясении, словно искали из лабиринта краха хотя бы

узкую тропинку, которая привела бы к спасению. Вдруг со всей очевидностью Наташа представила, что ждет ее и матушку без денег. Значит, все усилия напрасны? И этот скверный старик до сих пор молчал! Взглянув на него, она залилась слезами. Теперь Наташа плакала от обиды, несправедливости и жалости к себе. Плакала от стыда, только сейчас сообразив: ведь потому и не принимали ее знакомые матушки и всякие чины – знали, что Гордеевы нищие.

Иона мог вынести любые лишения – голод, холод и нужду, но не слезы Наташи. Он всегда удовлетворял все ее капризы, стоило его любимице захлюпать носом, за что получал выговоры от Агриппины Юрьевны. Не имея своих детей, он нянчился с нею, когда выдавался свободный час. Постарше стала – в игры с ней разные играл, шалости покрывал, а в возраст вошла – поучал, советом наделял, ездить верхом учил, стрелять из ружья. Привык к ней, жалел, ибо слабая она. Но сейчас Наташа плакала так, что и сердце Ионы заплакало.

– Наташа, голубка моя ненаглядная... – залепетал он жалостливо. – Я ж сказывал: в Неаполь нам надо, а ты не слушалась. Матушка берегла тебя от беды... Наташенька... не горюй... Не плачь, тебе говорят! Ты Гордеева, а Гордеевы всегда голову держали прямо! Жизнь твоя лишь началась, много еще приключится и доброго, и худого. А тебя дядя ждет, он позаботится о тебе. И я, покуда жив, в обиду тебя не дам.

Он подошел к девушке, робко и неумело обнял ее, как обнимал бы свою дочь. Чувствуя в старике единственную

поддержку в этом страшном мире, где она очутилась одна с непониманием, Наташа прильнула к его груди и разразилась еще большими слезами.

– Наташенька... – гладил ее по голове Иона, старый холлоп, и дрожащим голосом уговаривал: – Не плачь, лапушка... Оплачу я счета, бог с ними, чтобы тебя стыд не мучил. А потом обещаю, что поедем в Неаполь...

– Зачем, зачем ты не сказал мне все сразу?

– Молода ты еще, не поймешь...

– И все ж мне необходимо попасть на бал. Там будут важные господа, вельможи, которые поспособствуют... Может, удастся свидеться с матушкой... Пусть матушка сама мне скажет, почему... А потом... потом уеду. Обещаю тебе, Иона, обещаю...

Анисья сделала ей прическу, разделив волосы на пробор, остальное завила горячими щипцами и уложила локонами, которые спускались от макушки до шеи. Совет такой ей дала модистка, потому что, мол, прически а-ля грек давным-давно не в моде, их делают лишь отсталые дамы и старые девы. У Наташи имелись кое-какие украшения, подаренные матушкой в дни именин, но в них являться на московский бал было не совсем уместно. Перебирая скромные драгоценности, Наташа ограничилась сережками с маленькими бриллиантиками, такое же колечко она никогда не снимала, затем протянула Ионе шкатулку со словами:

– Продай. Полагаю, на великосветские балы мне не ездить, стало быть, ни к чему они мне, а деньги всегда понадобятся.

В другой бы раз Иона порадовался ее разумности и рассудительности. В другой бы раз он воспринял внезапное взросление девушки с чувством гордости, ведь в том виделась и его лепта. Но как грустны были глаза Наташи, как беспомощны, сколько в них детского отчаяния и обиды! Иона решил: пусть съездит на бал, она ж еще дитя, потанцевать ей охота. Все равно ведь не добьется свидания с матушкой. А как не добьется, один путь останется – в Неаполь. Иона молча принял шкатулку.

– Ой, до чего ж вы хороши, Наталья Ивановна! – трещала Анисья, поправляя воздушные складки. – Королевна! И красавица писаная!

– Будет тебе, – сказала Наташа, натягивая перчатки. – Продай сумочку... Ой! А веер? – Она кинулась к вещам Агриппины Юрьевны, перерыла их. – Как же быть? Иона!

– Ась? – очнулся тот, будто не видел, не слышал, что именно Наташа ищет.

– Матушка сказывала, будто у тебя веер есть. Дай его мне.

– Невозможно-с... – пробасил старик.

– Опять споришь? Это никуда не годится.

– А как потеряешь? – И он покосился на горничную.

– Да почему ж непременно потеряю? Иона, пойми, никак нельзя мне без веера.

– Да на что он тебе?

– Лицо прятать, коль понадобится. И нехорошо на бал являться без веера, неужто не понимаешь? – Видя, что Иона глух к ее просьбам, Наташа всхлипнула раз, другой...

– Ладно, ладно... – замахал руками Иона, затем развязал бант под воротничком, расстегнул рубашку (он одевался не по-холопски, а по-господски).

На его шее вместе с крестом висел длинный футляр. Иона снял шнурок, открыл футляр и протянул обычный, ничем не примечательный веер из слоновой кости с грубой резьбой Наташе. Раскрыв его, она поразилась еще больше:

– И это ты носишь на груди постоянно? Что за причуда?

– Агриппина Юрьевна велела-с, – и снова покосился на Анисью, будто та мешала. – Наталья, не потеряй, Христом богом прошу тебя, не потеряй!

– Да не потеряю! – Она коснулась ладонью стариковской щеки. Иногда Иона был премилым.

– И не раскрывай его. Коль личико спрятать надумаешь, так самым краешком... А от кого ты прятаться надумала? – вдруг напрягся он.

– Это я так, к слову. Ну, едем?

Изобретя великолепный план, Наташа явилась на бал с опозданием. Поспешно скинув пальто с пелеринкой, которое тут же подхватила Анисья, и отдав ей шляпку, Наташа вопреки этикету бегом взлетела по лестнице, бросив, пробегая

мимо лакеев:

– Боже мой, я опоздала...

Те не посмели остановить ее и спросить билет, значит, беда миновала. Влетев в залу, чувствуя, как пылают ее щеки – а здоровый вид был просто неприличен, ибо в моде находилась болезненная бледность, – Наташа приостановилась, чтобы жар схлынул с лица и волнение прошло.

Боже, какое великолепие! То, что приходилось ей видеть раньше, – жалкая пародия. Наташа была потрясена и нарядами, и множеством людей, и блеском драгоценностей, и величием залы. Закончился польский полонез, первый балльный танец, дамы и кавалеры расходились, освобождая середину залы. Гул стоял невообразимый. Только в этот миг, очутившись среди блестящего общества, Наташа поняла, сколь неосмотрителен и дерзок ее поступок. Молоденькая девушка без сопровождения старших явилась на бал, да еще пробравшись на него украдкой! Какое, должно быть, нелестное мнение о ней составят. В романтических книжках она читала про смелых женщин, бросающих вызов обществу, идущих ему наперекор, но они были много старше, умудрены опытом, и обязательно с ними случались скандалы. О, скандала Наташа менее всего желала, а к тому шло, ведь всяческое отступление от правил жестоко порицалось общественностью. «Ничего, вот разузнаю о матушке и уеду к дяде, а в Италии мне не будут страшны никакие пересуды», – уговаривала себя Наташа, выпрямляя и без того прямую спину. Она сте-

пенно вышагивала вдоль залы, слегка обмахиваясь веером, будто только что танцевала, а сама блуждала глазами по лицам, ища знакомых вельмож и... ничего, кроме сверкания, не видела. Только бы не споткнуться, не упасть от волнения, не обнаружить свою неловкость.

– Натали! – услышала она тонкий голосок и обернулась.

Выпорхнув из толпы нарядных дам, к ней подлетела дочь хозяина дома Ирен Трепова. Как и Наташа, Ирен получила домашнее образование, потому и довелось им встречаться, когда на лето графы выезжали в поместье. Воспитанницам пансионов редко дозволялось видеться с родными, что и послужило причиной не отдавать Наташу в пансион. Помещица Гордеева предпочла сама заниматься воспитанием дочери, приглашала гувернеров.

– Натали, – радовалась Ирен, взяв ее за руки. – Вот уж не думала встретить тебя! Отчего ты не отписала мне, когда прибыла в Москву? Отчего не навестила?

Как же – не навещала... Навещала, да только ее не приняли. Видно, Ирен об этом ничего не знает.

– Я здесь... по делу... – запинаясь, произнесла Наташа и тут же подумала, что Ирен превратно истолкует ее слова.

– Все молоденькие девицы здесь по тому же делу, – лукаво замурлыкала Ирен. Она так и поняла, как предполагала Наташа: какие могут быть дела у барышни на балу, кроме как выставить себя напоказ перед именитыми женихами? – Позволь дать тебе совет, Натали. Не говори так откровенно.

Это Москва, а не губерния, у нас всей правды не говорят, обходятся намеками. А где же Агриппина Юрьевна?

– Я... – замялась Наташа и воспользовалась советом Ирен – соврала: – Я с дядей.

– Ты, поди, никого здесь не знаешь, – лепетала графинька, увлекая Наташу на променад по зале. – Сегодня собралось не все общество, оттого скучно. Погляди на этих денди. Стоят, сложивши руки на груди, будто не танцевать пришли, а думать. Нынче в моде у молодых господ английский костюм и дурные манеры. А мне так больше нравятся военные. Они веселы, прекрасно танцуют...

– Кто это смотрит на нас так пристально? – спросила Наташа, закрыв половину лица веером и лишь указывая глазами на молодого господина поодаль у колонны.

А господин, одетый с элегантною небрежностью в черный фрак и белоснежную рубашку с крахмальным воротничком, который поддерживал свободно повязанный галстук, откровенно – до неприличия! – изучал Наташу.

Где-то она видела похожий взгляд... У кого? У волка! Да, да, однажды на охоте затравили волка, тот лежал на снегу связанный, истекая кровью от укусов собак, и смотрел на людей серьезно, сосредоточенно и непримиримо. Наташа присела возле его морды и, заглянув в зеленовато-желтые глаза хищника, оторваться от них не могла. Почти человеческий взор с покойной холодностью запомнила она. Изучая девчонку, зверь водил по ней точками зрачков, затем задержал их на

лице и долго, не мигая, смотрел в него. В какой-то миг пятнадцатилетней Наталье почудилось, что это и не зверь вовсе, а заколдованный человек в волчьей шкуре, из его зрачков ясно струился приказ развязать его, и что долго не давало ей покоя – она ведь и правда едва не освободила зверя! Волк зачаровал ее властной силой, словно не он был в плену, а она. Тогда ее бросило в дрожь от волчьего взгляда. И сейчас бросило. От взгляда человека.

– Это мсье Хвастовский, авантажный на первый взгляд, но не таков на деле, – старательно выполняла роль светской львицы маленькая графиня. – О нем много толков, и все они надуманны. Не смотри на него, а то вообразит не бог весть что. Говорят, он соблазняет замужних дам и бросает их. Княгиня Ломакина травилась из-за него, теперь на люди не выходит. Представь: какой стыд! Ходят слухи, будто он богат, да я думаю, что сам Хвастовский и распустил их. Посуди сама, зачем ему при его богатствах брать в долг? Это дурно и дает повод думать, что богатства-то и нет. Ах, Натали, ты не знаешь, как подавать знаки веером? Ежели желаешь намекнуть ему, чтобы он пригласил тебя, надобно держать веер не так...

Какую чушь несла графинька! Цель Наташи – разузнать об Агриппине Юрьевне! Ко всем прочим радостям она должна относиться как к временному явлению, ведь у нее сейчас не больше прав, чем у самозванки.

– Ирен, – мягко, дабы не обидеть, прервала ее Наташа, – я

бы хотела поздороваться с их сиятельствами графом и графиней...

– Изволь, – улыбнулась подруга.

Хозяева дома сидели в креслах, между ними дремала старая графиня, одетая в черное, а возле них стояли несколько молодых людей. У Наташи остановилось сердце, как перед прыжком в пропасть, стоило ей увидеть графа Трепова в парадном мундире с золотым шитьем. Когда же Ирина подвела ее к их сиятельствам, праздничное лицо ее матери слегка омрачилось, затем графиня покосилась на главу графского дома, собрав губы бантиком, а одна ее бровь поднялась в недоумении. Светозар Елисеевич ничем не выдавал своих мыслей, лишь молча оценивал неожиданное явление.

– Маман, папá, я привела к вам Натали Гордееву, – сказала Ирина.

Наташа слегка присела, чувствуя, как у нее краснеют не только щеки, но и шея, плечи. Если ее сейчас выставят вон – она не переживет. Возникла неловкая пауза, так как графы должны были первыми начать светский, ничего не значащий диалог, обычно состоящий из нескольких любезных фраз, дающих право думать, что гостье рады. Но хозяева дома молчали, что уже было равносильно скандалу. Выручила старая графиня, вдруг проснувшись:

– Гордеева? Где? Ах... Так это та самая Наташка? Весьма недурна.

– Благодарю вас, ваше сиятельство, – едва не плача (уж и

подбородок задрожал!) вымолвила Наташа.

Распорядитель бала объявил вальс, заиграл военный оркестр, молодежь тут же упорхнула вместе с Ирен. А Наташа осталась стоять перед строгими взорами графа и графини, словно на судилище грешница, с которой срывают одежду. Горели щеки, уши, на лбу выступили капли пота... И тут Светозар Елисеевич встал с места и предложил ей руку:

– Позвольте, сударыня?

Наташа с благодарностью улыбнулась, вышла с ним на середину залы. Несколько медленных па – и она пришла в себя, более смело посмотрела в непроницаемое лицо графа. Тот, снисходительно глядя на нее сверху, сухо заговорил:

– Сударыня, поступок ваш дерзок.

Ну, конечно, ее же не приглашали, она пробралась сама.

– Простите, ваше сиятельство, – начала Наташа, волнуясь. – Я никогда бы не осмелилась, но... моя матушка, Агриппина Юрьевна... ее арестовали...

– Знаю, голубушка, знаю.

– Но я не знаю, за что...

– За убийство, голубушка, за убийство.

Легко брошенные слова... А сколько в них губительной силы! Они будто разом обрушились на Наташу, повисли на руках, ногах, плечах, тянули вниз. Нет, это всего лишь слова, граф произнес их случайно, в них какой-то другой смысл...

– Как? За... что?! – едва ли не шепотом выговорила Наташа.

– За убийство, – повторил он. – Что же вы встали? Танцуйте, на нас смотрят. Вам дурно? Весьма странно, вы так смелы и вдруг собираетесь упасть в обморок...

– Нет, нет... Я не... Не может быть!

– Агриппина Юрьевна убила двух человек, третьего тяжело ранила. Ваша матушка совершила тяжкое преступление и должна быть наказана в соответствии с законом. А теперь прошу прощения, сударыня, я не могу более уделять вам внимания. Честь имею.

Он оставил ее посреди залы в вихре кружившихся в танце пар, неоднозначно дав понять, что ей, дочери убийцы, здесь не место.

Сколько блеска... Сколько света и красок... Сколько улыбок... смеха... Все мелькает, мелькает... Голова Наташи закружилась еще сильнее, чем кружились пары. Не имея сил, она расслабилась, но почему-то не упала. Что-то поддержало ее... Или кто-то?

Среди круговерти, в которой ничего было не разобрать, она вдруг четко увидела лицо. Совсем близко. Наташа в непонимании широко распахнула глаза, чтобы рассмотреть этого человека. Узкие бакенбарды фавори, обрамляющие щеки... большие зеленовато-желтые глаза, в которых плавают черные круги зрачков... губы в усмешке... Ах да, это тот самый... мсье... с фамилией... забыла. Наконец она поняла, что танцует с ним. Танцует? Разве он приглашал ее? Наташа не помнит. Но она не хочет танцевать!

– Прошу простить меня, – сказала девушка по-французски, остановившись. А голова ее все кружилась, кружилась...

– Вам нужна помощь, Натали? – участливо спросил он.

Откуда этот господин знает ее имя? Внезапно в памяти всплыло более важное: «Убила двоих, третьего тяжело ранила...» Как это убила? Кто? Матушка?!!

Стало душно. Наташа сорвалась с места и побежала по зале, лавируя среди пар, а то и сталкиваясь с ними. Бормоча на ходу извинения, она мчалась к спасительному выходу. Да сколько же здесь народу? Будто весь мир собрался в одной зале. А ей необходимо вдохнуть свежего воздуха, иначе она задохнется.

Сбежав вниз по лестнице, Наташа напрямик направилась к дверям, выскочила наружу, не слушая, что говорил ей лакей. Наконец-то задышала глубоко и часто. Что же делать дальше, куда бежать? У парадного стояли экипажи, где-то тут и ее карета... Кто-то накинул пальто на плечи...

– Да как же можно на холод в одном платье? – бухтел Иона. – Эдак простыть недолго, вон вся взопрела...

Наташа, не оборачиваясь, схватила его руку, придерживающую пальто на плечах, прижалась щекой к ней и тихо всхлипнула:

– Иона... увези меня отсюда...

– Фомка, подлец! – закричал Иона. – Карету подавай!

Через некоторое время Наташа ехала в карете, упав на

грудь Ионы, но не плакала – сердце высохло. А Иона вздыхал, понимая, что барышня теперь все знает. Но старик не забыл забрать веер из вялой руки своей питомицы и надежно спрятал его снова у себя на груди.

Удар за ударом – много для юной девушки, не знавшей до этого невзгод. Сначала арестовали Агриппину Юрьевну, затем Наташа узнала, что они потеряли состояние, и последнее: матушка – убийца! Разве такое можно уложить в голове?

Все же воспитание среди русских просторов и множества людей, а не в закрытом пансионе дало положительный результат – Наташа не впала в горячку после столь страшных потрясений, лишь отлежалась день. Да и то день этот понадобился, чтобы свыкнуться с мыслью о матушкином преступлении и подумать, как к ней в тюрьму попасть. Наташа корила себя за слабость на балу, не сообразила сразу нижайше просить Светозара Елисеевича устроить ей свидание. Он бы не отказал, он добрый человек. К нему-то и надо обратиться, только не домой прийти, а дожидаться у места службы.

В дверь постучались, потом вошел Иона с подносом:

– Наташа, ты ведь день цельный не кушала. С лица вон спала. Я бульону принес и ножку куриную, покушаешь?

– Да, – спрыгнула с кровати Наташа, взяла чашку с бульоном и припала к ней губами. С каждым глотком обжигающий бульон давал новые силы.

– Ты хлебца возьми, – приставал Иона. – С хлебом сит-

ней...

– Иона, ты знал, что матушка убила людей?

– Ась?

– Не прикидывайся глухим! – прикрикнула Наташа на управляющего. – Слух у тебя отменный, я знаю. Матушку арестовали за убийства, мне его сиятельство граф Трепов сказал вчера. Ты знал?

– Ну, так... оно как бы вроде... а с другой стороны не совсем...

– Опять увиливаешь? А того не понимаешь, что я вчера едва ли не умерла, узнав такое. Отчего ты мне сразу не сказал? Я бы использовала время на балу и добилась бы свидания с матушкой. Отчего ты такой упрямый?

– Наташа, едем в Неаполь, а? Ты ж обещание давала...

– Нет, Иона, теперь тем паче не поеду. Как я могу уехать, когда матушка нуждается в участии и поддержке? Надобно помочь ей, ведь будет суд...

– У нас денег едва-едва наберется на дорогу... – завел старую песню Иона. Впрочем, денег теперь понадобится много, очень много. Он знал это.

– Продай мое бальное платье... драгоценности.

– За них много не дадут.

– Карету продадим...

– Нет, Наташа, у нас уговор другой был...

– Довольно, Иона! – рассердилась Наташа и в негодовании стала ходить по комнате туда-сюда. – Ну сколько можно

об одном и том же? Я матушку не оставлю, что бы она ни совершила!

– Наташа... – покачал старик головой. – Ну... будь по-твоему. Да только спрячь ты картину подальше, а? Беду мы с нею наживем, ей-богу.

– Кстати! – Она подошла к картине, откинула прикрывающую ее тряпицу и в недоумении пожала плечами. – За хлопотами некогда было... Иона, что это за картина? Зачем матушка велела держать ее при себе? Сказала, будто счастье детей моих в ней. Уж не волшебная ли она?

– А и волшебная! – таинственно зашептал Иона, подойдя к Наташе. – Будь она проклята! Но рассказать тебе правду я обещание дал только в Неаполе. До того – ни-ни, уж прости. Коль недобрые люди дознаются, что она с тобой, отберут, Наташа, а то и вовсе убьют нас. Ищут ее, то мне доподлинно известно. И Агриппине Юрьевне известно. Тайна в этой картине не только нас касается, есть еще аспиды рода людского, что готовы дьяволу душу продать, лишь бы забрать ее да отомстить роду гордеевскому. А ты девица, напугают тебя сильно-пресильно, ты и расскажешь. Так матушка твоя сказывала. Оттого и велела не говорить тебе до времени. Спрятать ее надобно понадежней.

– Как странно ты говоришь... – задумчиво произнесла Наташа, рассматривая полотно. – Ничего в ней особенного нет, писана неопрятно. Ну, да ладно. Для твоего спокойствия отвези-ка ее в монастырь к тетке Феодоре.

– Так это ж в Суздаль... – начал было возражать Иона.

– Зато надежнее места не сыщешь, – перебила его Наташа. – И письмо, что матушка писала дяде в Неаполь, тоже отвези. Очень уж она просила беречь его... И попроси денег у тетки взаймы, я непременно отдам, из Италии пришлю. Завтра же и поезжай.

Рано утром Иона, строго наказав барышне, чтобы без особой нужды не выходила на улицу, а если соберется выйти, то только в сопровождении Анисьи, уехал в карете. Наташа с нетерпением ждала его отъезда и, выждав с полчаса (а то ненароком Иона вернется), поспешила на извозчике к месту службы графа Трепова, велев горничной остаться дома. Это ж какой будет стыд, если его сиятельство при холопке унижит Наташу, не станет с нею даже разговаривать. Битый час девушка прохаживалась по улице, наконец увидела открытую коляску, в которой важно восседал граф Трепов, сквозь припущенные веки обдавая прохожих скукой. Наташа кинулась к нему, едва он ступил на землю:

– Прошу прощения, ваше сиятельство...

– Вы? – с неудовольствием спросил он. – Что угодно, сударыня?

– Выслушайте, ваше сиятельство, – сквозь слезы унижения произнесла Наташа. – Я понимаю, матушка моя совершила... но и меня поймите... Какова бы она ни была, а это моя мать, и лучше ее нет для меня никого в целом свете. Я

знаю вас как доброго, великодушного человека, вы не можете мне отказать... у вас ведь тоже есть дочь...

– Прекратите, сударыня, истерики изобретать, на нас уж прохожие смотрят, – раздраженно проворчал вельможа, направляясь к дверям присутствия. – Ступайте за мной.

Наташа одержала первую серьезную победу. Она утерла платочком глаза и нос и робко последовала за его сиятельством, подыскивая на ходу подходящие слова, способные убедить Светозара Елисеевича устроить ей свидание с матушкой. В большом кабинете с длинным столом, с тяжелыми шторами и резными стульями он уселся в кресло, Наташе предложил стул, затем так же раздраженно бросил:

– Что вы хотите, сударыня?

– Свидания с матушкой, – живо сказала Наташа.

– Никак не возможно. К вашей матушке запрещено кого бы то ни было допускать. Неслыханно! Дворянка древнего рода, женщина, и вдруг убила двоих, будто она... разбойник с большой дороги! Да на моем веку сроду такого не приключалось! Какой пример дворянство подает простому народу? Дело взято под особый контроль его высокопревосходительства!

– Господи, да кого же она убила? Я ничего не знаю...

– И хорошо, что не знаете. Думаю, вам следует смириться, ехать в свои поместья и дожидаться приговора.

– Что ее ждет?

– В наших законах не предусмотрено, потому не оговоре-

но, что делать с дворянкой, коль она совершила тяжкие преступления. Учитывая признание вашей матушки, а также ее благородное происхождение, суд вынесет более мягкий приговор. Однако в каторжные работы ее сошлют-с. И надолго.

– Боже мой!

Наташа закрыла ладонями лицо, но лишь на мгновение, чтобы не видеть пелену тумана, после которого обычно случается потеря чувств. Нет, она не имеет права потерять сознание, больше граф разговаривать с ней не станет! Наташа сжала ладони в кулачки, не отрывая их от лица, и спросила о том, чему не верила:

– Она сама призналась? Сама?

– Да-с. Как же не признаться, когда тому есть свидетели? А вот причины, по каким она совершила столь тяжкое преступление, Агриппина Юрьевна умалчивает.

– И никак нельзя с ней свидеться?

Светозар Елисеевич молчал, опустив глаза на чернильный прибор и постукивая по нему указательным пальцем. Чистый, удлиненный и отполированный ноготь ударял по малахитовой поверхности, громко цокая. Движение было неторопливым, особенно когда граф поднимал палец. Наташа замерла, почуяв, что сломила сурового вельможу. Она сознательно обращалась к нему не по форме, помня его у себя в имени, когда он шутил за обеденным столом, пел под рояль, а на речке удил рыбу... Неужто это было в ее жизни?

– Я попробую убедить его высокопревосходительство раз-

решить вам свидание, – сказал наконец граф Трепов. Наташа ахнула и едва в ноги ему не упала, но он недовольно махнул рукой: – Будет вам, не благодарите. Ступайте. Придете завтра за окончательным решением.

Наташа не взяла извозчика – усидеть сейчас на месте не представлялось возможным. Она летела по мостовой, вдыхая мокрый осенний ветер, окрыленная надеждой. Ах, как нужно ей свидеться с матушкой! Она обязательно даст совет, что и как делать, ведь Наташа ничего толком не умеет. Разумеется, она не верила, что матушка способна убить, это все ложь, недоразумение, а вот как из него выйти – предстоит придумать.

Поскольку голова ее была забита мыслями, Наташа не обратила внимания, что за нею едет карета. Едет медленно, ведь как ни торопилась девушка, а лошади быстрее человеческих ног. Не заметила карету и тогда, когда та поравнялась с ней, катясь неторопливо. Шторка на окошке слегка отодвинулась, но кто изучал девушку – Наташа все равно не рассмотрела бы, так как некто неизвестный сидел в глубине кареты. Плохо зная Москву, девушка вдруг приостановилась, вернувшись из мечтаний: а куда ж идти? Конечно, нужен извозчик.

– Наталья Ивановна?

Она вздрогнула от неожиданности, услышав приятный мужской голос. Резко обернувшись, прямо перед собой увидела молодого господина с пронизывающими глазами волка.

– Вы не помните меня? – спросил он, улыбнувшись.

– Н-нет, – соврала Наташа, припомнив уроки Ирен Треповой. Да, да, первое, что она хорошо усвоила, это полезность лжи.

– Давеча мы с вами танцевали на балу у Треповых, но вам, кажется, стало дурно, вы убежали...

Наташа впервой вот так свободно разговаривала с незнакомым мужчиной. Не получив от матушки с Иной наставлений по сему поводу, она не знала, как поступить. Убежать? Это будет дикарством, неучтивостью. Ничего дурного он не замышляет – по всему видно. Впрочем, этот господин не совсем незнакомец, раз Наташа танцевала с ним.

– Простите, я тороплюсь... – нашлась она.

– А я мечтал сослужить вам службу, увидев вас на улице одну. Коль позволите, моя карета к вашим услугам.

О, что за голос у него! Колдовской. Будто обволакивает. Но садиться в карету к незнакомому господину – это уж слишком. У Наташи хватило ума отказаться:

– Благодарю вас, мне недалеко, мсье...

– Хвастовский, мадемуазель, – представился он, слегка наклонив голову. – Анджей Хвастовский. На балу я называл свое имя. Меня представила вам Ирен Трепова.

Да разве она помнит, что было на балу? Иногда ей казалось, что и бала-то вовсе не было, а все приснилось.

– Вы поляк? – спросила Наташа с тем простодушием, которое характеризует барышень из уездов.

– Да, мадемуазель Натали. Вас что-то смущает?

– Вы так хорошо говорите по-русски...

Да, он действительно смущал ее. Но его тон, его учтивость говорили о благородном происхождении и прекрасном воспитании, а его взгляд завораживал, не давая возможности уйти. Однако продолжительность их разговора перешла всякие границы, посему Наташа, извинившись, свернула за угол, где кликнула извозчика. Хвастовский запрыгнул в карету. Из темного угла скрипучий, как несмазанная телега, женский голос приказал Анджею на польском:

– Скажи Юзеку, чтобы за нею ехал.

– Юзя! – крикнул Хвастовский кучеру. – За паненкой!

Ехали молча некоторое время, Анджей с безразличием и скукой смотрел в окно. Наконец тот же голос проскрипел из угла кареты:

– А она недурна.

– Не в моем вкусе, мадам, – протестующим тоном сказал Хвастовский, не удосужившись посмотреть на спутницу.

– Что ты понимаешь в женской красоте... Тебе по сердцу бледные жеманницы, в которых нет естественности, нет искренности. Они глупы и фальшивы, без меры худы, лишены чувств. А Натали Гордеева прелестная девица...

– Простите, мадам, – взглянул он наконец на нее, но закутанная в черный бархат и закрытая вуалью спутница казалась плотной тенью в углу, а не женщиной. – Вы, кажется, забыли, что мужчина я, а не вы. Мне и судить о женских прелестях.

– Ты так думаешь? – усмехнулась его спутница.
Анджей ничего не ответил, лишь скрипнул зубами.

Наташа пыталась отвлечься, брала в руки книгу, да не читалось. Наступали сумерки, она зажгла свечи и пересела к окну. Окна комнаты выходили во двор – обычный московский дворик, так напоминавший задний двор в ее любимой усадьбе под Тамбовом.

Как там чудесно, особенно сейчас, осенью, а какие леса... И комнаты в усадьбе просторные, с огромными окнами, отчего днем много света. Дворянка почитала барыню с барышней, и когда они туда приезжали, что за суета начиналась... А летом там рай. В речках вода чистая, прозрачная, белые кувшинки покоятся на поверхности среди круглых зеленых пластинок-листьев. Часами можно любоваться водяным цветком, слепившим глаза белизной. Сколько раз Наташа приносила домой кувшинку, опускала в тарелку длинный стебель, надеясь продолжить любование. Но цветок закрывал лепестки в плотный бутон и уж не раскрывал до самой своей смерти. Во всех имениях холопы матушку любили, потому что она не зверствовала, как другие помещики, и коль наказывала, так не по капризу, а за дело.

Как теперь смириться с потерей всего этого? Наташу пугала бедность. Думы возвращались к матушке, воображение рисовало ужасные картины – тюрьму во всех ее вариациях. То виделась ей Бастилия с подземельями, то темницы Тау-

эра, а еще омерзительные тюремщики и палачи, пытавшие узников раскаленным железом. Обо всех этих ужасах Наташа читала в книжках и теперь, воображая матушку в одном из застенков, ежилась, молилась богу, чтобы послал он спасение, как посылал узникам из романов, и те успешно осуществляли побег. Вот было бы славно, если бы и матушка убежала...

Наташа смотрела сквозь стекло в темноту, и вдруг ее обдал холод не книжного, а настоящего ужаса. Неизвестно откуда, из темной глубины выплыло лицо странного существа, словно его в мгновение ока соткала из воздуха дьявольская рука. Между Наташей и существом расстояние было меньше локтя, разделяло всего лишь стекло, так что она хорошо рассмотрела страшное видение, вперившее в нее два прищуренных глаза. Оттого что не было видно четких границ лица, а запавшие щеки сливались с темнотой, придавая лицу этакую потусторонность, Наташу все больше сковывал ужас, она забыла, что делают в таких случаях. В какой-то момент ей почудилось, будто черты у существа женские, но в то же время они имели мужскую жесткость, властную холодность и... не были живыми. Множество морщин, казалось, испещрили это лицо раньше срока, глаза сверкали молодостью, но сверкали на старом, мертвом лице. Наташе удалось рассмотреть мужскую белоснежную рубашку, мужской сюртук, галстук, завязанный небрежным бантом под подбородком, цилиндр. Так это мужчина? Или все же женщина? Но почему

с обликом мертвеца?

Наташа не дышала, словно от этого зависела ее жизнь, словно существо слепое и может найти девушку по шумному дыханию и потом примется рвать на части. Найдет? Оно уже нашло! И смотрело прямо на Наташу, не мигая, с жадностью, словно девушка представляла собой некий запретный, но желанный плод, и постепенно вытягивало из девушки силы. Да не смерть ли сама к ней пожаловала? Кто знает, может смерть имеет именно такой облик – не мужской и не женский? Но почему к Наташе? Рано, ой как рано... Наташа готова была уже взмолиться о пощаде, просить помиловать ее, но вдруг, несмотря на неясность очертаний, несмотря на страх, она заметила, что существо дышит – чуть вздрагивали у него ноздри. Нет, это не смерть, это человек!

– Пресвятая Богородица... – вымолвила Наташа и закричала, закрывшись руками, затем вскочила со стула и отпрыгнула к стене.

– Барышня! – с воплем влетела в комнату Анисья. – Чего приключилось-та?

– Там... за окном... кто-то есть...

– Кому ж тама быти, барышня? – не поверила Анисья.

– Нет, есть. Там мужчина... женщина... То и другое...

– Это ж как? – Анисья припала к окну. Приложив ладони к лицу и одновременно к стеклу, тем самым отсекая глаза от света свечей, Анисья вглядывалась в темноту. – Нету тама никогошеньки, барышня.

– Но я видала... лицо... страшное...

– Чай, высоко туточки, – приводила довод за доводом Анисья. – Кому охота взбираться да по темноте-та? Расшибешься ведь, как пить дать, расшибешься.

– Нет, нет... – не могла успокоиться Наташа, дрожа всем телом. – Я видала ужасное лицо... женское... нет, мужское лицо с женскими чертами. И одежду... мужскую...

– Показалось вам, барышня, ей-богу, показалось. Ну-ка, столь пережить пришлось... Вот всякое и кажется. Бесы хороводят. Вы молитвы почитайте, страхи ваши и улягутся.

– Ты запри покрепче двери, Анисья.

– Так уж заперла. Одним-то страшно. Не беспокойтесь, Наталья Ивановна, никто к нам не войдет.

Когда Анисья ушла, Наташа взобралась на кровать, погасила свечи, забилась в угол и полночи не отрывала глаз от окна. Все чудилось, что бес в мужском и женском обличье одновременно притаился за стеклом и вот-вот снова покажется.

На следующий день Наташа приказала Анисье найти извозчика и пригнать к дверям квартиры коляску – боялась выйти на улицу. Бесовский образ с жадными очами бередил душу, но матушка была важнее. Светозар Елисеевич не принял Наташу. Однако ей сообщили, что свидание с матушкой разрешено, на то выдали отдельную бумагу. Какой-то чиновник вызвался сопровождать Наташу до тюрьмы. На радостях

она не возражала и всю дорогу плохо слушала его вкрадчивый голос:

– Вас допускают к маменьке, однако с условием. Вы, Наталья Ивановна, обязаны уговорить маменьку дать показания, иначе говоря, пояснить нам причины, побудившие ее на столь ужасное преступление. Сие нужно для блага вашей маменьки, дабы уменьшить меру наказания. А без причин никак нельзя смягчить приговор, да и судить весьма сложно. К тому же преступление совершено родовитой помещицей, что роняет знать в глазах не одних дворян, а простолюдинов тоже. Мы уж и так делаем все возможное, чтобы скандал не вытек из наших стен, да шила в мешке не утаишь. Поспособствуйте, сударыня, пушай хотя бы батюшке покается, вы понимаете меня?

– Да-да, – лепетала Наташа, думая лишь о предстоящей встрече, ни о чем другом.

Не было страшных тюремщиков, которых вчера искусно рисовало воображение, не было мрачного подземелья, соломы в углу, на которой спят узники. В карауле стояли обычные солдаты, правда, пустынные и темные коридоры с отзвуками шагов все же отвечали представлениям Наташи о тюрьме, а когда ее ввели в камеру...

– Наталья! – вскрикнула помещица, словно увидела призрак.

В следующий миг Наташа прижалась к матери, а та целовала ее лицо, голову, плечи. И слезы лились из ее глаз... мно-

го слез... Наташа не помнила, чтобы матушка плакала, она всегда являлась примером стойкости и силы, но, наверное, и у силы есть слабость, а выходит она через слезы, заодно очищая и облегчая душу.

– Наталья... – вглядывалась в черты дочери Агриппина Юрьевна. Она постарела, тусклыми были ее глаза. – Зачем ты здесь? Зачем не послушала меня?

– Как я могла уехать, не зная, что с вами? – всхлипывала Наташа. – Как я могла оставить вас без поддержки? Матушка! Вы живы, и мне уж хорошо. Граф Трепов оказал содействие, устроил свидание...

– Наташа! – вдруг отстранила ее мать. – Немедленно, едва выйдешь отсюда, садись в карету и отправляйся в Неаполь к дяде. Ты слышишь? Немедленно!

– Да как же мне уехать? Суд будет...

– Меня страшит один суд – божий, а людской не страшен. Знаю, вина моя тяжка, и я готова принять кару земную.

– Матушка, неужто вы... неужто это правда?

– Убила? – договорила Агриппина Юрьевна то, что дочь не решалась произнести. В следующее мгновение Наташа не узнала матушку, в которой заклокотала ярость, и при всем при том от нее исходила несокрушимая сила, отчего девушке стало страшно. – Будь на то моя воля, не раз бы убила. Ради тебя, ради внуков. Может статься, не доведется мне на них поглядеть, но я буду знать, что они у меня есть, и душа моя возрадуется.

– Не понимаю, – простонала Наташа. – Зачем? Зачем? Ежели б вы знали, сколько презрения я повстречала, меня не принимают в домах...

– Будет тебе, Наташа, корить меня, не знаешь ты всего. Ради блага твоего...

– Ради какого блага? Ведь вы все потеряли, у нас ничего нет...

– Есть, Наташа, – страстным шепотом зашептала мать, взяв в ладони лицо дочери. – Есть несметные сокровища, и все они твои будут. Не сейчас, пройдет время, и ты... Только уезжай отсюда, иначе старания мои и грех тяжкий даром пройдут. Настанет час, узнаешь.

– О чем вы говорите, матушка? – Ничего не понимала Наташа, мать ей казалась безумной, а значит, тем более ей следовало помочь. – Нынче о спасении вашем думать надобно, а вы прогоняете. Меня просили убедить вас признаться, покаяться, сказать причины...

– Глупая ты, Наталья! – воскликнула огорченно Агриппина Юрьевна, отошла к стене и взглянула на дочь строго. – То молодость в тебе дурь гоняет. Довольно им одного моего признания, а причин не открою ни на исповеди, ни в суде, ни тебе в сей час. Поезжай к дяде, вот мой приказ тебе. Коль слушаешься, отрекусь от тебя.

– Матушка! – рванулась к ней Наташа, потрясенная столь жестокими словами.

– Довольно! – выставила перед собой ладонь Агриппина

Юрьевна, не разрешая дочери приблизиться. – Прощай, Наталья, и не поминай лихом.

А Когда Наташа выходила из камеры, она еще раз бросила дочери в спину жестко:

– Помни, что я тебе приказала!

Рухнула надежда спасти матушку, Агриппина Юрьевна не желала спастись. Наташа, стараясь сдерживать рыдания, поспешила назад, к выходу. Тот неприятный человек, что сопровождал ее в тюрьму, семенил следом, воркуя на ухо:

– Не убедили маменьку дать показания? Прискорбно-с. Сударыня, знаете ли, что ей грозит? Вы были недостаточно убедительны, с вашей стороны не было сказано...

– Оставьте меня! – грубо оборвала его Наташа.

Вырвавшись на улицу, она в полузабытьи вернулась домой. Позвонила в колокольчик, но никто не открывал. Ведь Анисья должна быть дома... Тронула дверь, а та не заперта. С немалыми опасениями Наташа вошла внутрь, встреча с матушкой тут же и забылась: натоптано, кругом беспорядок. Крикнула несмело:

– Анисья!

Натужная тишина просачивалась в душу, леденя ее. Такого быть не может, чтобы Анисья ушла, а дверь не заперла. А кто натоптал? И есть ли вообще кто в доме? Не смея подняться наверх, Наташа взялась за перила и крикнула громче:

– Анисья! Ты где?

– И-и-и... – донеслось сверху.

Наташа взлетела наверх, вошла в свою комнату и не узнала ее. Все перерыто, разбросано. В углу сидела одетая в верхнюю одежду горничная и скулила. Завидев барышню, Анисья принялась реветь в голос.

– Что здесь случилось? – растерянно выговорила Наташа.

– Не знаю, ба-арышня, – проревела холопка. – Я на торги ушла, а как возвратилась, все открыто, перерыто... Воры к нам забрались. Ой, барышня, уйдем отсюда? А то страшно-та ка-ак!

– Будет тебе реветь.

Наташа кинулась к шкатулке, где хранились серьги, которые она надевала на бал, и деньги, оставленные Ионой. Ни того ни другого в шкатулке не было. Значит, воры? Только не верилось, что это были простые воришки, теперь не верилось. Девушка в изнеможении присела на край кровати, задумалась.

– Ой, ба-арышня, – продолжала реветь Анисья, – не зазря вас Иона просил до городу Неаполю ехать, ой, не зазря-а-а... А ежели б мы дома были? Нас бы воры-разбойники и порешили... Давайте уйдем отсюда, барышня, а? На постоянный двор, а? Там люди, хочь и бедно.

– Да как же нам уйти? А Иона? Как он найдет нас? Давай уж дождемся его, а там поедем в Италию.

– А ежели Иону по дороге разбойники прибьют?

– Полно, Анисья! – прикрикнула на нее Наташа. – Беду накличешь. Не станем выходить, а ежели и выйдем, так вдво-

ем. Поди приберись. Будем ждать Иону.

Прошло два дня. Наташа с Анисьей сидели безвылазно в квартире. Да кончилась еда, а без денег еды не добыть, но их тоже не было. На третий день Наташа решилась заложить золотое колечко – единственную оставшуюся ценность. На извозчике вместе с Анисьей приехали к ростовщику. Наташа велела горничной подождать в коляске, чтобы потом не искать извозчика, а сама управилась довольно скоро, получила небольшую сумму, вышла на улицу и помахала Анисье. Анисья, теперь боявшаяся всего на свете, обрадовалась, увидев барышню, привстала в коляске. Но Наташа не смогла сразу перебежать дорогу, пропустила лошадей с каретой. А когда зеленая карета медленно проехала, не останавливаясь, Анисья переменялась в лице – куда ж это барышня делась?

– Барышня... – пробормотала она, рассматривая ряд домов и лавок напротив. – Чай, возвратилась к ростовщику... – А на сердце беспокойно стало. Анисья прыгнула на мостовую, сказав извозчику: – Обожди, любезный, я скоренько.

Она перебежала брусчатую дорогу, вошла в лавку, а там-то никого и нет, кроме пожилого господина. Анисья не на шутку испугалась, еле выдавила из себя:

– Прошу покорнейше простить, к вам барышня заходила... хозяйка моя... колечко приносила...

– Да-да, только что ушла, – ответил он.

Анисья выскочила на улицу. В коляске сидел извозчик,

Наташи не было. Анисья посмотрела вправо, посмотрела влево...

– Господи! Куды ж она подевалась-та? Барышня! – огласила зычным голосом улицу Анисья. – Наталья Ивановна! Наталья Ивановна!

Пришлось расплатиться с извозчиком медным колечком с алым камешком, а на квартиру вернуться пешим ходом. Анисья несколько дней просидела, закрывшись на все замки. Она съела весь продовольственный запас, которого осталось очень немного, потом пила воду. Иона приехал вовремя, потому что глупая девушка наверняка бы сошла с ума в одиночестве.

– Иона Потапыч... – завывала Анисья, кинувшись ему на шею. – Ох, без вас тут худо приключилось... Ой, зазря вы нас покинули...

– Да ты чего, девка, ревмя реवेशь? – еще не понимал Иона, какая беда постигла Наташу. – Толком сказывай, что да как. Наташу кликни...

– Нету нашей барышни... – пуще прежнего заголосила Анисья.

– Где Наташа?! – затряс ее в неистовстве Иона, а он был сильный, хоть и немолод. – Отвечай, где Наталья!

Сбивчиво, перемежая рассказ вытьем, Анисья рассказала, что случилось у лавки ростовщика. Серым стал Иона, заметался по комнате взад-вперед, заложив руки назад.

Умом он не был обделен, потому и добился хорошего по-

ложения при барыне. Когда Агриппина Юрьевна выходила замуж за отставного капитана лейб-гвардии Измайловского полка, Иона вместе с приданным перешел Гордееву. Обученный грамоте и ведению хозяйственных дел, он остался при жене отставного капитана на положении ее личного камердинера, затем стал управляющим поместьями. Рвение его к ученью еще отец Агриппины Юрьевны поощрял, говоря: без ученья холоп как есть тайный враг, от него вреда больше, нежели пользы. Он и школу открыл для холопских детей. И прав был, грамотные холопы хозяйство с толком ладили, оттого польза была и барам. Да не все к ученью стремились, говоря: коль уродился таковым, большего мне и не надо. А Иона учился с желанием, рано соображение показал, в доверие вошел, а кто ж доверие обманывает?

Отставной капитан Гордеев любил свою жену, всячески ей потакал, сам же леживал на диване с кальяном и слушал песни холопов. Делами занялась Агриппина Юрьевна, ничуть не роняя при том самолюбие мужа, а Иона стал ее преданным помощником. Обладая изворотливым умом, он приумножил Гордеевым состояние, за что и ценила его помещица. Наташа появилась на свет уже после смерти отца, он так и скончался на диване с кальяном в руке. Помещица всегда оберегала ее от внешнего мира, и вот теперь как бы опекуном девушки стал Иона Потапыч...

Узнав, что Наташу подло похитили, Иона стал искать путь, который выведет на ее след. Одно утешало – тайны На-

талья не знала, и это, возможно, продлит ее жизнь при условии, что похитители сами ничего не знают о картине. Но если знают, если потому ее и похитили, чтобы забрать картину? Значит, будут выпытывать у Натальи, где она. Вот что худо: Наташа сама распорядилась, где спрятать картину. А Иона к тому же допустил оплошность – оставил в монастыре и веер, несмотря на повеление Агриппины Юрьевны держать картину и веер в разных местах. Решил так: пока Наталья не образумится, пусть уж хранятся эти вещи вместе. А оно вон как выходит! Дурным людям стены монастыря – не препятствие. Но ужаснее всего то, что Агриппина Юрьевна не предвидела такой случай и не дала указаний, как быть. Иона не знал, кого искать, равно как и где. То, что в его отсутствие кто-то ворвался в квартиру и сделал обыск, ясно говорило: искали картину. Ехать назад в Суздаль и перепрятывать картину нельзя, следует сначала найти Наташу.

– Анисья, ты карету запомнила? – подскочил он к девке.

– Коли увижу, так узнаю, Иона Потапыч.

– Герб на ней был? Какой?

– Вот этого не помню. Да разве ж я знала, что Наталью Ивановну умыкнут? Карета та даже не остановилась, эдак тихохонько проехала. А я глядь – нету барышни... Э-э-э...

Анисья снова заревела, на что Иона махнул рукой:

– Ступай, дура.

Старик горестно качал головой. Что ж теперь делать-то? Чуюло его сердце – не надо было Наталью одну оставлять.

Кучер Фомка сидел в углу. Похоже было, что он заснул. Но Фомка не дремал, хоть и устал за длинную дорогу. Фомка тоже думал и наконец подал голос:

– Я тут вот что, Иона Потапыч, надумал... Коль уж так случилось, знать, на то воля божья. Мы таперя ничейные, стало быть, нам господь дорожку проложил...

– Не пойму, что за речи ты ведешь? – замер Иона, пристально вглядываясь в лицо Фомки, которое пряталось в тени.

– А к тому я речь веду, Иона Потапыч, что нам по разным сторонкам разойтись пора. Я вот на Дон сподобился, тама усе равные меж собой, холопов нету. Хошь – айда со мной.

– Вона ты как... – протянул Иона. – А документ? Нынче на всех дорогах документ спрашивают, аль запомятовал? Не покажешь документ, враз догадаются, кто ты есть.

– А мы дороги-то обойдем, – поднялся Фомка, надеясь, что уговорит Иону. – Лесочком прошмыгнем. Эх, волю охота узнать, какая она. А то так и подохнем в неволе.

– Чем же тебе невольню было у Агриппины Юрьевны? Чай, не обижала тебя, не наказывала, не лютовала. Девок-то ты сколь обрюхатил в поместьях? А хоть раз на бревне лежал с голым задом, хоть раз по спине твоей кнут прошелся? Девки выговор получали, что к себе допустили! И всех замуж барыня выдала, ты ведь не желал жениться.

– Барам чем больше душ, тем богаче они, – обозлился Фомка, понимая уже, что Иона не отпустит его с миром. –

Ты стар, жил при барском доме, со стола их ел, в одежду ихнюю рядился, тебе то по нраву. А мне пожить охота на воле, хозяином себе быть желаю.

– Не посмеешь уйти, – покачал головой Иона. – Я как доверенное лицо Агриппины Юрьевны и как управляющий ее поместьями имею полное право... А коль уйдешь, тебя искать станут. И найдут, уж поверь. До Дона не дойти тебе.

– Не страшай, – ухмыльнулся Фомка. – Видать, правду про вас с барыней молва идет, мол, ты и она прелюбодеи...

– Не смей поганить своим глупым языком святую женщину! – воскликнул возмущенно Иона.

– Святая? А чего ж ее в тюрьму-то упекли? Барыню – и в тюрьму! Людей порешила и думала, ничего ей не будет? Вона какую погоню за ней снарядили, у самой границы догнали. А как я тебя ножичком, а?

– Попробуй, подлая твоя харя! – сжал кулаки Иона. А Фомка-таки вынул нож. – Думаешь, стар, руку твою не отведу? До сей поры подковы гну и тебе шею сверну с превеликим удовольствием голыми руками. Ну, иди, иди ко мне...

Фомка вдруг ослабился:

– Нет, не стану грех на душу брать. Сам подохнешь без барского куска.

Иона надежду питал, что Фомка не осмелится сбежать – беглых люто наказывали. Но он утром холопа недосчитался, сбежал-таки ирод...

Наши дни, ночь

Монтеверлио сделал паузу, а Шукин взглянул на часы:

– О! Час ночи. Синьор Монтеверлио, вы наверняка устали.

Продолжим завтра?

– Вы правы, я действительно утомился, а до конца истории еще далеко, – кивнул тот. – Когда вы завтра придете? Думаю, лучше нам встретиться у меня.

– Как вам будет угодно. У нас завтра обычный рабочий день, освободимся мы в шесть, спустя минут сорок приедем.

– Я буду ждать вас.

Шукин и ребята попрощались, сели в машину.

– Как книжку вслух читали, – зевнул Вадик.

– Любопытно устроен мир, – с улыбкой произнес Гена. – Будто по вертикальной стене несется мотоциклист. Он начинает с одной точки, в эту же точку и возвращается после представления, а ведь проехал много километров. Но по кругу! Два века прошло, и вдруг как из-под земли выплыла картина, вернула нас назад на два века. Что же она прячет?

– Ты не понял? – изумился Вадик, оживившись. – Что мамаша дочке-то своей сказала? Сокровище! Где-то спрятан клад, а в каком месте – знает картина. Ну, еще кто-то про это узнал, поэтому и стырил картину. Ух, как доберется до клада раньше нас... вот будет жалко. А этот Монтеверлио: нет чтобы сразу суть нам сказать, так ведь разразился на пять

часов словесным потоком.

– Архип Лукич, и вы думаете, что где-то зарыт клад? – спросил Гена скептически, не выдержал и рассмеялся.

– Я не спешу с выводами, а то потом разочарование трудно пережить, – сказал Щукин. – Но кто-то, вероятно, думает, как Вадик.

– Вы не согласны, что речь идет о кладе? – поразился Вадик. Ему никто не ответил, а молчание все равно знак согласия. – Вот бы найти... За находку нам полагается какая-то часть? Полагается! На всех хватит, включая итальянского принцпе. Я б машину купил...

– О-о-о... – ехидно протянул Гена. – Эх тебя разнесло, как сказал бы двести лет назад старик Иона. Может, на том месте, где были зарыты сокровища, дом построили в двадцать этажей. Где события разворачивались? В Москве? Значит, и клад, если он был, в Москве зарыт. И сто процентов из ста, что его уже нашли, Москва же перерыта вдоль и поперек. Так что умерь свою жадность.

– А зачем тогда картину свистнули? – не унимался Вадик. – Нет, клад есть, и ключ к шифровке, я думаю, у грабителей.

– Честно говоря, – теперь рассмеялся Щукин, – в клад я не верю, но что-то в этой картине определенно есть. Не будем гадать, проживем – увидим, в чем там дело.

– Да я теперь костями лягу, но картину найду! – пообещал Вадик.

Архип Лукич развез ребят по домам, а сам долго не ложился спать, курил и рассматривал фотографии портрета белокурого ангела. Если есть шифр, к которому прилагается ключ, то он должен быть написан на картине. Но сколько он ни всматривался в фотографию, графических знаков не заметил. Что же прячет ангелок?

Давно Лада не чувствовала свободы, которая открывает новое пространство, где ты не существуешь, а живешь. Нет, дело было не в Диме, она не потеряла голову от любви, рассматривала их отношения с рациональной точки зрения и отбить его у жены – цели такой не ставила. Лада понимала: жен не бросают, не бросают даже сварливых, своенравных, изменниц. Что бы он ни обещал, их связь временная, пока кому-то не надоест. К счастью, Дима ничего не обещал, иначе пришлось бы делать вид, что она верит ему. Но при его косвенном участии удалось избавиться от примитивной жалости к мужу, а это уже достижение, в будущее теперь она смотрит смелее. Слабые мужчины цепляются за свою вторую «половину», как репейник, их устраивает любой вариант, лишь бы жена осталась. И прибегают к запрещенным приемам, чтобы вызвать жалость к себе: смотрят с укоризной, распускают нюни, принимают несчастный вид или, как один из вариантов, – заболевают. Жена сдается – соответственно меняется поведение мужа. Он начинает изводить ее нытьем, угрозами, всевозможными обвинениями, игрой в молчанку,

что должно обозначать обиду... В общем, сущий ад. Спрашивается: зачем терпеть ад? А затем, что мужу таким вот образом удастся взвалить на жену комплекс вины – мол, в его слабости виновата именно она. А попутно внушает ей, что она никому не нужна. Несчастливая носится потом с этой виной, верит, что на нее не позарится ни один порядочный человек, и чахнет. Так было и с Ладой. И конечно, не с ней одной. Но теперь самоистязаниям конец, прочь жалость, прочь комплексы, прочь прошлое! И всего-то надо сказать правду. Но это трудно, потому что за правдой стоит твердое «нет». И все же она чувствовала – за ее спиной выросли крылья.

Изменение ее настроения заметили на работе, сотрудницы удивленно переглядывались. У Лады была репутация святой мученицы, но при всем при том коллеги почему-то жалели Илью. Ну, пьяниц на Руси всегда жалели. И продолжают жалеть. Только те, кто не знает, каково близким с ними, а узнали бы – всякая жалость пропала бы.

Отпросившись за час до окончания рабочего дня, Лада помчалась домой. Нужно успеть собраться, Дима обещал отвезти ее к маме и дочери, а потом он поедет встречать жену. Сегодня приезжает его Элла, значит, свидания с ним станут редкостью, что тоже неплохо – Лада окончательно разберется в том, что так скоротечно случилось. Еще не переступив порог квартиры, она удивленно и вместе с тем возмущенно крикнула мужу:

– Кто в наше время держит открытой дверь? Что украсть,

всегда найдется, потом попробуй купи.

Лада влетела в узкую прихожую, по ходу переобулась в тапочки, пронеслась в комнату. Илья лежал на диване, укрывшись покрывалом с головой, чтобы дневной свет не мешал ему «отдыхать». «Опять наверняка пьян», – с отвращением подумала Лада.

– Как мне это надоело! – вскипела она, сжимая кулаки. – Всему есть предел. Слушай, ты совсем рехнулся? Какого черта спишь тут, оставил открытой дверь?

Внезапно вкрадчивый голос негромко позвал ее по имени. Он был знаком и до тошноты противен.

– Господи! – схватилась за грудь Лада. – Как вы меня напугали!

Соседка, вошедшая в квартиру вслед за хозяйкой, вытянула сморщенную шею и заглянула поверх плеча Лады в комнату, потом тихо (вообще-то громко она никогда ничего не делала) произнесла, едва зашевелив губами:

– Муж отдыхает, а ты раскричалась.

– Его сейчас и из двадцати орудий не разбудишь. Что вам?

Лада поставила руки в боки, подбородок приподняла, не скрывая, что не рада неприятной соседке, которую про себя называла черепашкой. Та просвистела, будто змея из-под колоды:

– Риса. Суп варю, а рис забыла купить. Насыпь полстакана. А ты сегодня нервная...

Лада выхватила из ее руки стакан, кинулась на кухню, сы-

панула в емкость рис, чтобы поскорее избавиться от любопытной соседки. Пришла-то черепашка явно посмотреть на события, а не за рисом. Открыв холодильник, Лада пришла в ярость и, не удержавшись, вслух возмутилась:

– Как посмел вылакать мое шампанское?

Она отдала стакан черепашке, забыв выпроводить бабу, умчалась назад в кухню. Бросая гостинцы для дочери в сумку, выкрикивала, обращаясь к Илье:

– Тебе водки мало? Я берегла эту бутылку на день рождения мамы! – Поскольку муж не отозвался, она влетела в комнату, как фурия. – Я с тобой разговариваю? Пьешь и спишь... От тебя один вред!

На пределе атомного взрыва она подскочила к нему, сдержала с лица покрывало...

Короткий крик вырвался сам по себе. Лада зажала рот руками и попятилась, пока не уперлась спиной в сервант. Задребезжала посуда. Этот звук тоже испугал Ладу, она резко вдохнула воздуха, но он застрял в груди, не выходил назад, и, видимо, от этого в глазах запрыгали черно-серебристые точки. Оглянулась по сторонам – черепашки не было. Еще чуть-чуть – и Лада упадет, будет лежать здесь неизвестно сколько...

Ноги сами понесли ее из квартиры. Лада машинально схватила по пути сумочку, лихорадочно заперла дверь и очнулась, когда была уже во дворе, на скамейке в беседке. Мелкая-мелкая дрожь вытряхивала из нее любые попытки мыс-

лить или хотя бы позвать на помощь. Лада вообще ничего не соображала и ничего не видела. Ничего? Нет, видела, видела...

Вдруг раздался хохот. Заливистый, задорный и заводной, противоестественный в данной ситуации. Лада оглянулась – кому это так весело? Недалеко молоденькая девчонка в короткой юбочке сгибалась от хохота, а паренек, стоявший рядом, что-то рассказывал ей, жестикулируя.

Лада отвернулась, почувствовала, что дышит. Значит, живет. И первой ее мыслью было: что делать? Сообщить. Кому и что? И как сообщить, если ноги не хотят идти? Телефон! Дима подарил телефон. Лада высыпала содержимое сумочки на скамейку, схватила мобильник. Ни одного номера она не помнила, а в телефон успела внести только номер Димы. Он мужчина, знает, как поступить. Лихорадочно нажала кнопку и услышала его отклик:

– Я уже еду к тебе.

– Приезжай скорей, – едва выговорила она. – Жду тебя во дворе.

– Не на нашем месте? Ты же хотела, чтобы меня не видели...

– Передумала, – перебила она. – Очень, очень тебя жду.

Она сидела, ссутулившись, низко склонив на грудь голову, и даже не заметила, как он подошел. Только услышав его приветствие, не дав договорить, прервала:

– Там мой муж...

– Твой муж? – Дима присел рядом. Вид у Лады был жуткий – бледный, потерянный. – И что?

– Он... лежит.

– Лада, что случилось?

– Он... умер.

Новость была неожиданная и, мягко говоря, неприятная. Потому и молчал Дима долго. Лада прекрасно понимала его состояние. Он закурил, тем самым заполняя паузу, – сигарета сейчас была нужна, чтобы подумать. А Лада вообще ни о чем не думала – она ждала, что придумает он. Отбросив окурок, Дима взял ее руку, накрыл второй ладонью – он всегда так делал, затем спросил:

– Ты уверена? Он действительно умер?

Она сначала рассмеялась, но невесело, а нервно, потом сказала уже без смеха:

– Почему, когда что-то происходит внезапное, задают глупые вопросы типа: «Ты уверена?» или: «Вы точно знаете?», «Вы не ошиблись?» У него лицо... мертвого человека, а не живого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.